

Генри Лайон Олди

Побег на рывок

Книга первая Клинки Ойкумены

ПРОЛОГ

Король:

Вчера казалось нам, что мы есть мир,
Вчера казалось мне, что я есть мы –
Дано монархам властвовать людьми,
Но нет, не нам свет отделять от тьмы!

Народ:

Мы — лишь пылинка в замысле Творца.
Досмотрим же спектакль до конца!

Луис Пераль, «Колесницы судьбы»

— Никогда, — сказал Луис Пераль. — Никто и никогда.

Ричард Монтелье пожал узкими плечами:

— Что вы имеете в виду, сеньор Пераль?

Драматург не ответил.

— И все-таки? — настаивал режиссер.

— Вы же телепат, — драматург потянулся к кувшину, налил себе вина, едва не опрокинув глиняную кружку. Густое, темно-красное вино напоминало бычьей кровью. — Узнайте сами.

Монтелье нахмурился:

— Я телепат, а не карманник. Я не шарю по чужим карманам.

— Даже с разрешения хозяина?

— Только с письменного. Оно должно быть заверено государственным нотариусом. А потом, после сеанса, к нему должен прилагаться акт, подписанный телепатом-свидетелем.

— Свидетелем?

— Лицензия первой категории. Допуск «альфа-плюс».

— Зачем?

Режиссер не ответил.

— Ну да, — после долгого молчания кивнул Пераль. — Понимаю. Извините, я не хотел вас задеть. У меня скверное настроение, сеньор Монтелье. Вы привезли мне кучу денег. Вы привезли мне славу, масштабы которой трудно представить. А я хандрю, огрызаюсь и вообще веду себя безобразно. Простите, я больше не буду.

Детская реплика, отметил Монтелье. И детская улыбка. Он обаятелен, и знает это. Наверняка любимец женщин. Пышненьких красоток, которых есть за что ущипнуть. Ни одной случайной фразы — все выверено, как в пьесе. Реплики в сторону, вопросы, хандра, извинения — экспозиция, завязка, развитие действия. Несмотря на очевидную молодость, сеньор Пераль стальной рукой ведет разговор к заранее намеченной кульминации. Что ж, пусть будет так.

Режиссерское чутье не нуждалось в телепатии.

Служанка принесла второй кувшин. Монтелье смотрел, как Пераль щиплет девчонку за ягодицу. Сценарий работал и здесь: сдобные формы, сдержанный визг, молодецкое подмигивание. Кульминацией в данном случае намечалась постель на втором этаже «Гуся и Орла», смятые простыни и ритмичные стоны всю ночь напролет. Крики, поправился Монтелье. Крики, подзадоривающие других постояльцев, снявших женщину на ночь. Красотка, судя по всему, изрядного темперамента. Такие вопят, как резаные.

Он огляделся.

Беленые стены. Низкие потолки. Скатерти грубые, но чистые. Окна похожи на бойницы крепости. Пахнет свиными шкварками и жареным луком. Пахнет вином. Пахнет кожей и металлом — это от троицы за угловым столиком. Все трое вооружены: шпаги, кинжалы, у одного за поясом — пистолет ужасающей длины, с раструбом на конце ствола. Багровые пятна на скулах, брови срослись посередине. Кончики усов закручены выше ноздрей. Если сравнивать с кругленьким, плотным, чисто выбритым драматургом — волки рядом с овечкой.

— Бойтесь? — спросил Пераль. — Успокойтесь, они не полезут в драку.

— Эти головорезы? — усомнился Монтелье.

— Здесь приличное заведение. Папаша Лопес — тесть Гарсиа Сангари, лейтенанта городской стражи. А ведь вы не бойтесь, правда? Я же вижу...

— Не боюсь, — согласился Монтелье. — Запоминаю.

— Для фильма?

— Да. У меня, как у нищего бродяги — все пойдет в дело. Так говорите, драки не состоится? Жаль. Такой выигрышный эпизод.

— А вам хотелось бы? Вы справитесь с тремя?

— В рукопашной? Я скорее умру от страха.

— Вы — телепат. А я девять лет провел вне Тетрафимы. Школа на Хиззаце, Тишрийский гуманитарный университет... Я — доктор философии. Я знаю, что могут телепаты. Трех, а?

Монтелье поморщился:

— Оставим. Глупый разговор, не находите?

— Нет, троих? — настаивал Пераль. — Если нападут?!

Лицо его покраснело. В глазах плясали бесенята. Шутки в сторону — Монтелье ясно видел, что вопрос не праздный. Луиса Пералья очень интересовало, сможет ли Ричард Монтелье взять компанию грубиянов за их куцые извилины и заставить, к примеру, танцевать менуэт. Это личное, отметил режиссер. Глубоко личное, почти не контролируется. Это комплекс. Сюда и ударим. Терять нечего, контракт уже подписан. Все пойдет в дело, и ваши комплексы, сеньор Пераль, тоже.

— Вас избili палками, — он наклонился к собеседнику. — Их было трое?

— Пятеро.

Честно говоря, Монтелье не ожидал, что Пераль ответит так сразу. Они были полной противоположностью друг другу: режиссер, худой и высокий, с бесцеремонными манерами тирана — и пухленький живчик-драматург: розовые щечки, завитки курчавой шевелюры, округлые жесты. Бритва и булочка. Впрочем, под тонким слоем теста пряталась сталь, а потому Монтелье резал с пониманием, не желая портить лезвие.

— Вы — опасный соперник, сеньор Пераль?

— С чего вы взяли?

— Ну, пятеро...

— Я — тюфяк. Меня поколотит столетний паралитик. Поднесите кулак к моему носу — и я героически напрягу в штаны. Но маркиз де Кастельбро — гранд Эскалоны. Негоже, чтобы оскорбителя чести Кастельбро било менее пяти человек. Это уронит достоинство его сиятельства. Скажу вам прямо, я огорчился, когда увидел, что палки маркизовых слуг не инкрустированы жемчугом и перламутром. Хотя бы герб... Нет, таких палок я им не прощу.

— Эпиграмма, — сказал Монтелье. — Я читал ее.

— И как? — заинтересовался драматург. — Правда, удачно?

Не дождавсь похвалы, он продекламировал:

— У любвеобильного маркиза
Что ни ночь, то новенькая киса,
Что ни утро, старая беда —
Ночь прошла впустую, господа!

Монтелье взялся за кружку:

— Я могу воспользоваться текстом?

— Разумеется.

— Это сопряжено с риском? Я имею в виду, для вас? Маркиз, пожалуй, давным-давно забыл ту историю. И вдруг, в галактическом масштабе, на широкую публику... Мои работы популярны, Кастельбро обидится снова, гораздо сильнее. Если что, дело не обойдется простыми палками. Будет вам и герб, и перламутр с жемчугом. Надеетесь на покровительство Оливейры? Герцог влиятелен, но гордыня маркиза...

— Никогда, — повторил Луис Пераль. — Никто и никогда.

— Что вы имеете в виду?

— Никто, — драматург откинулся на спинку стула. Тени от оконной решетки превратили его лицо в посмертную маску, состарив лет на пятьдесят. — Никто и никогда больше не будет бить меня палками. Вы мне верите?

— Вы позволите мне изменить финал пьесы?

— Вы мне верите?!

— Сперва ответьте на мой вопрос.

— Да. Если вы считаете, что от этого зависит успех фильма — да, черт побери! Но каждое изменение вы будете согласовывать со мной. Поставьте задачу, я пропишу вам диалоги.

— Я капризен, сеньор Пераль.

— А я трудолюбив. Сто тысяч вариантов, если это даст результат! Теперь ваша очередь, сеньор Монтелье.

— Да, — кивнул режиссер. — Я вам верю.

Это кульминация, сказал себе Монтелье. Теперь он — мой.
— Бланка! — заорал головорез с пистолетом. — Еще вина!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ЭСКАЛОНА

ГЛАВА ПЕРВАЯ ОН И ОНА

I

— Да!

— Мигель?

— Тысяча чертей! Ты меня слышишь?!

— Мигель, будь ты проклят! Говори громче!

Связь сбила. Голос в коммуникаторе хрипел, взрыкивал, сбиваясь на жутковатый визг. Так плохой актер играет сатану. Диего Пераль отлично знал, как зал освистывает бездаря, потешаясь над рогами из картона и тряпичным хвостом.

— Куда уж громче?! Диего, ты?

С Мигелем они были на «ты» со времен осады Сонти. И все же... Осторожность, подумал Диего. Трижды осторожность. Я иду босиком по битому стеклу.

— Что я делал у ворот Бравильянки?

— Засовывал кишки мне в брюхо!

— Еще!

— Труса праздновал!

— Сукин ты сын! Еще!

— Выбил зубы капитану Ленуаресу!

— Какие?

— Все!

— За что?

— Он приказал трубить отступление!

— Это ты, Мигелито. Это ты, строевая косточка. Ты договорился?

В ответ громыхнул надсадный кашель.

— Когда это Мигель Ибарра не держал слово? — сварливо поинтересовался контрабандист, прочистив глотку. — Конечно, договорился. Сегодня, в четыре пополудни. Два пассажира. У меня, как в борделе — кто платит, того и любят!

— Я — твой должник. Место?

— На место я вас сам проведу. Звон при тебе?

— Золотом, как обещал.

— Хорошо. Ты где прячешься?

Мигель Ибарра был вторым и последним человеком на всей Тетрафиме, кому Диего Пераль мог доверить свое нынешнее местонахождение. Первым был отец. Но подставить сейчас отца означало превратиться в сволочь полную и окончательную. Диего разделил бы со стариком последний глоток вина, но не риск окончить дни с кинжалом под ребрами.

— Говори, не бойся, — Мигель неверно истолковал молчание собеседника. — У меня линия защищена. Комар носу не подточит!

Диего представил себе эту защищенную линию. Пехотное каре, дымятся фитили мушкетов, солнце играет на стали обнаженных шпаг. Все ближе лава атакующей кавалерии: всадники привстали на стремях, сабли вознесены над головами, над гребнями касок...

— Переулок Превознесения.

— «Три бочонка»?

— Да. Второй этаж, угловая комната.

— Знаю эту дыру. — Мигель вновь зашелся кашлем. Опасным контрапунктом в кашель вплетались звуки выстрелов, приглушенные расстоянием. — Клянусь гульфиком святого Эраста, тут становится жарковато! Дыму — как на Дровяном бастионе! Помнишь, а? Я нагрюну через полчаса. Она с тобой?

— Нет. Ее нужно забрать из Сан-Федрате.

— Успеем.

— Точно?

— Говорю ж, у меня, как в борделе! Жди, скоро буду.

Задушенно пискнул зуммер отбоя. На уникаме — подарке Энкарны — вспыхнул и погас алый огонек. Видеорежим Диего включал, лишь связываясь с Энкарной. Все остальные довольствовались голосом маэстро: низким, хрипловатым, с медлительными интонациями солдата. К инопланетным игрушкам Диего Пераль относился с плохо скрываемым отвращением, стараясь не пользоваться ими без особой надобности.

Вот она, на пороге — особая.

Он извлек из кармана серебряный хронометр на цепочке, щелкнул крышкой. Четверть одиннадцатого утра. Прав Мигель — времени хватает. Вспомнилось, как при встрече Ибарра не удержался, беззлобно подтрунивая над старомодностью друга: «Продай ты свой антиквариат! Закажи у ларгов браслет-татуировку: и дешевле, и не украдут! За твоей-то штуковиной глаз да глаз нужен!» Диего тогда отмолчался: спорить с Мигелем — проще море решетом вычерпать. Не станешь же объяснять Ибарре, закоренелому безбожнику, что тело, как и бессмертная душа, дано человеку Господом. Искажать дар Творца по собственной прихоти, как делают это беспутные развратники Ойкумены, гореть им в аду — радовать дьявола, охочего до жареных грешников. Не пристало такое доброму прихожанину храма Святого Исидора Эскалонского.

Добрый прихожанин прошелся из угла в угол. Комнатушка, где Диего ждал вызова, напоминала склад мебели — древней, разошедшейся. Поворачиваясь, маэстро зацепил ножнами рапиры стол, на котором лежал коммуникатор. Когда аппарат подпрыгнул, Диего поморщился: он еще не успел должным образом освоиться во временном убежище. Это плохо, очень плохо. Нужно ощущать пространство вокруг себя — спиной, затылком, кожей. Лишний шаг, табурет подворачивается под ноги, чиркает по стене клинок — в схватке миг промедления стоит жизни.

У окна он задержался. Кружевная занавеска надежно скрывала обитателя комнаты от любопытных взглядов снаружи, позволяя при этом видеть, что творится на улице. Прямо под окном — хоть горшок им на головы выливай! — горланила компания пьяниц, выбравшихся проветриться из чадной таверны. Наружность мужчин была такой бандитской, что они могли быть кем угодно, только не бандитами. Прихватив с собой оловянные кружки, забулдыги громко обсуждали события, всколыхнувшие город.

— ...вывезли его! Наследника!

— Продались! Все продались!

— Кто?

— Все!

— Кому?

— Ясен дублон, императору! Он всех, с потрохами...

— Наследника к нему повезли...

— Хватит врать-то! Здесь наследник, в Эскалоне!

— Это я вру?!

— А ты почему знаешь, что в Эскалоне?

— Нет, это я вру?!

— Сам видел! Вчера, с Дворцовой площади.

— Ну?!

— На балкон вышел. Ручкой нам махал, белой...

— Прямо тебе и махал?

— И мне тоже...

— Так я, значит, вру?!

— Я наследника видел! А ты?!

— Мамкину сиську ты видел! Молокосос!

— Убью!

— Тише, тише, сеньоры! Успокойтесь!

— Нет, убью!

— Наш друг дон Педро всего лишь ошибся. Ему сообщили ложные сведения. Каждый имеет право на ошибку. Предлагаю вернуться в сие гостеприимное заведение...

Диего присел на шаткий стул. Мгновение поколебавшись, взял со стола плоскую коробочку уникама; включил видеорежим. Сигнал вызова. Над устройством сгустилась туманная сфера. Мигнула, рождая объемное изображение.

— Карни...

— Диего! Наконец-то!

Связь наладилась. Диего усмотрел бы в этом благое знамение, но он давно разучился доверять фортуне. Кого Господь любит, тому посылает испытания. Искушение надеждой — мучительной искусства не найти.

— Я...

— С тобой все в порядке? Ты жив?

Когда донья Энкарна Олдонза Мария де Кастельбро волновалась, она превращалась в красавицу, способную свести с ума святого. Даже вопрос «Ты жив?», не слишком осмысленный в данной ситуации, украшал ее. Скорый на удар, Диего не был скор на язык. В словесной схватке Энкарна опережала его на три, если не на четыре темпа. Нет, сказал Диего, любясь девушкой. Беспокойство тебе к лицу, Карни, но я не стану тревожить тебя. Да, я дважды менял убежища. Да, ищейки, нанятые твоим мстительным отцом, шли за мной по пятам. Да, трюк с проходным подъездом и чердаком грозил погубить меня, но в итоге спас. Здесь, на втором этаже таверны, я час проторчал у окна, пока не убедился, что «хвоста» нет. Ну и что? Улыбайся, дитя мое: ты об этом не узнаешь.

— Я в порядке, Карни. В Сан-Федрате спокойно?

— Как у Творца за пазухой! — девушка махнула рукой с беззаботностью юности, решительно отменяя все угрозы мира, возможные и невозможные. — Тут такая охрана! Спецвойска Лиги, силовые щиты, помпилианские боевые модули! Гематры даже танк подогнали... Кошмар! У него ноги — колонны!

— У танка?

— Это шагающий танк. Никто и близко не подойдет!

Чувствовалось, что Энкарне доставляет искреннее, почти детское удовольствие перечислять технику, охраняющую космопорт Сан-Федрате. Чудеса величественной Ойкумены с детства влекли к себе неугомонную дочь маркиза де Кастельбро. Диего еще раньше заметил: Карни хвасталась плодами чужого прогресса так, словно это были ее личные достижения. Похвальба огорчала маэстро: схожим образом эмигрант прославляет новую родину, и каждое слово звучит упреком былой отчизне.

— Я связался с Мигелем. Челнок примет нас в четыре пополудни. Дождусь Мигеля — и сразу к тебе. Свяжусь, когда будем у космопорта.

— Ты — мой ястреб! — девушка звонко рассмеялась. — Не рискуй понапрасну. По визору новости крутят: жуть! Имперские уланы на проспекте Всех Святых, на Торговой площади! Рубят толпу в капусту! Чернь вооружается кто чем: вертелы, дубинки! Баррикады из карет строят... Я не понимаю, где наши солдаты?!

— У них приказ: оставаться в казармах.

— Это предательство! — щеки Энкарны полыхнули гневным румянцем. — Верховная хунта нас предала! Будь здесь король...

— Увы, — Диего пожал плечами. — Короля здесь нет.

Мятеж обречен, сказал он девушке — сказал так, как обычно: не произнеся вслух ни слова. Эту форму диалога с Карни маэстро освоил с первых дней знакомства. Мятеж утопят в крови, дитя мое. Министры правы, демонстрируя лояльность императору. Регент готов вылизать башмаки маршалу Прютону, а заодно его двадцатитысячному корпусу головорезов, стоящему под Друреном в ожидании приказа атаковать, и я буду последний, кто осудит графа де Уркидеса за

трусость. Главное — сберечь не только свои шкуры и кошельки, но и задницы честных богобоязненных эскалонцев, дрожащих по домам. Пожертвовать героями, верней, глупцами, во спасение большинства. Если удастся спасти еще и жизни солдат гарнизона, регенту можно ставить памятник. Конную статую на Дворцовой площади. Ты возражаешь мне, Карни? Тебе и слышать о таком противно? Рассудительность не свойственна молодости. Победа или смерть — вот девиз юных лет! Хорошо, что ты сейчас в космопорте, под надежной охраной «лигачей».

— Я буду ждать тебя, мой ястреб.

Он терпеть не мог этого «ястреба». Карни прекрасно знала о его раздражительности — и вставляла «ястреба» через слово. Учись парировать, смеялась она. Ну же! Ангард, вольт, правый кварт. Не можешь? Тогда хотя бы учись отступать.

Что ж, он учился.

— Постараюсь не рисковать без нужды. До связи.

Сфера погасла. Зуммер, пунктуальный, как мар Яффе, школьный учитель Диего, возвестил конец сеанса видеосвязи. Надоеду следовало отключить, но Диего Пераль до сих пор не разобрался, как это делается.

Дела, напомнил он себе. Дела перед отлетом. Нет, я ничего не забыл. В долги, хвала Творцу, не влез. Распоряжения отданы, доверенности составлены, завещание — тоже. Бумаги лежат у нотариуса-помпилианца, рекомендованного Мигелем. Влияние и возможности отца Энкарны колоссальны, эскалонским стряпчим доверять нельзя — продадут. Тридцать пять лет — рановато для завещания? Эх, сеньоры, не клевал вас жареный петух в задницу. А у Диего Пералья, скромного учителя фехтования, все ягодички исклеваны, живого места не найти...

Диего распустил веревку, стягивавшую горловину солдатского вещмешка, и еще раз проинспектировал его содержимое. Мешок сопровождал маэстро с тех давних пор, когда сын Луиса Пералья, комедиографа и доктора философии, в возрасте шестнадцати лет, нахально прибавив себе полтора года, завербовался рядовым в Кастурийский пехотный полк. Там он узнал две главные солдатские истины: на твоей форме сорок пуговиц, за сохранность которых ты отвечаешь головой, и зуботычина — урок, а не смертельное оскорбление. Время остальных истин, не столь важных, пришло позже. Год за годом Диего постигал науку войны: чистописание шрамами. Ему повезло: через двенадцать лет в дверь отчего дома на улице Тюльпанов постучался хмурый, как зимняя ночь, мастер-сержант в отставке. Три медали на груди, четыре нашивки за ранения на рукаве, длинная рапира на боку, семнадцать эскудо золотом в кошельке — и потертый дружище-мешок за спиной. Скажете, сомнительное везенье? Кому как, господа хорошие. Многие товарищи Диего по оружию, батальон за батальоном, обрели последний приют в сосновых гробах, сколоченных наспех пьяным плотником.

Впрочем, насчет капризов удачи Диего имел особое мнение. Он-то рассчитывал продолжить службу в королевской армии. Но по окончании войны с Сартахеном полк, состав которого обновился едва ли не полностью, был расформирован, а мастер-сержант Пераль, шестой месяц занимавший должность полуротного — отправлен в отставку по сокращению личного состава. Наступил мир, и содержать за казенный кошт тридцатитысячную армию сделалось накладно.

— Пора нам на свалку, — сказал он мешку.

Мешок отмолчался.

Пара смен белья. Бритва с перламутровой рукоятью. Мыло. Точильный брусок. Запасной аккумулятор к уникаму. Наваха с хищно изогнутым клинком. Фляга с вином. Две банки мясных консервов. Моток прочной веревки. Паспорт...

Паспорт Диего, подумав, переложил в потайной карман, загодя пришитый к подкладке колета. Машинально проверил, на месте ли пригревшиеся на груди ладанка и медальон с миниатюрой — объемным портретом Энкарны. Не торопясь, он застегнул колет на все крючки. Удостоверился, что рапира выходит из ножен легко и без лязга. Кинжал на месте — сзади за поясом. Пистолет заряжен. Сейчас он впервые пожалел, что не принял в свое время предложение капитана городской стражи Альваро Рохаса. Согласись Диего обучать подчиненных капитану стражников — мог бы получить лицензию на ношение многозарядного оружия. В теперешней ситуации револьвер пришелся бы весьма кстати.

Что толку жалеть об упущенных возможностях? Не повстречай суровый маэстро юную Энкарну де Кагельбро, сотканную из причуд и противоречий, он вообще бы жил припеваючи. Жалеешь ли ты, дуралей, о вашей встрече? Нет, нет, и тысячу раз нет!

И хватит об этом.

Он затянул горловину вещмешка и щелкнул крышкой часов. До прихода Мигеля Ибарры оставалось семь минут. Это если, конечно, Мигель явится вовремя — сегодня на пути контрабандиста могут возникнуть непредвиденные препятствия.

Жди, велел себе Диего. Жди и не скули.

Так командуют собаке.

— Вчера казалось нам, что мы есть мир, — вполголоса произнес он, цитируя самую знаменитую пьесу отца. — Вчера казалось мне...

Браво, откликнулась память. Брависсимо! В театре возглас «Браво!» значил одобрение. В жизни слово «браво» означало храбрость. А в той жизни, которую вел Диего Пераль, «браво» имело третье значение — наемный убийца.

II КОЛЕСНИЦЫ СУДЬБЫ (не так давно)

— Браво!

— Браво, маэстро!

Он стоял по центру авансцены, улыбаясь смущенно и растерянно. Публика знала эту улыбку Луиса Пералья, выучила назубок — и не требовала искренности ни от смущения, отработанного перед зеркалом, ни от растерянности, одобренной хорошей порцией притворства. Театр есть театр. Здесь аплодируют не предмету, но символу — подменышу, кукушонку, выбросившему из гнезда птенца реальности.

— Бра-во!

Зал бушевал. Актеры выстроились за спиной драматурга: пестрая клумба цветов — и седой одуванчик. Знаменитая шевелюра «дядюшки Луиса» побелела рано, едва маэстро минуло сорок. Седина компенсировалась густотой — завитки так плотно прилегали друг к другу, что прическа напоминала руно породистой овцы. Это служило неистощимым источником шуток — беззлобных, потому что эскалонцы любили своего кумира, великого «el Monstruo de Naturaleza», что переводилось на унilingву как «Чудо природы». Те же, кого любовь к «el Monstruo» обошла стороной, хорошо помнили, что перо Луиса Пералья острее шпаги наемника — и придерживали язвительность на поворотах, опасаясь ответного выпада.

Кому охота стать посмешищем для толпы?

Ликование публики можно было бы счесть премьерным, не знай каждый эскалонец от мала до велика, что пьеса «Колесницы судьбы» выдержала десятка три постановок различными труппами. Это если не брать в расчет арт-трансывый шедевр великого Монтелье, прогремевший по Ойкумене от края до края. Сегодняшний триумф опровергал тезис самого маэстро, опубликованный Пералем в «Руководстве к сочинению комедий»: «Пьеса интересна только при первом посещении спектакля!» Хотя как сказать — нынешний спектакль был точной копией премьеры, состоявшейся треть века тому назад. Оригинал воссоздали вплоть до мелочей, включая золоченые кисти на падугах.

— Вчера казалось нам, что мы есть мир, — актер, исполнявший роль Короля, встал рядом с Пералем. Мощный баритон накрыл зал: — Вчера казалось...

— Бра-а-а-во-о!

Ответный рев публики сожрал баритон с потрохами. Беззвучно, как рыба, Король разевал рот, тщетно стараясь справиться с восторгом зрителей. На помощь коллеге пришли остальные артисты — все, включая массовку, сделали шаг вперед. Луженые глотки ударили в гвалт зала — так тяжелая кавалерия, выхватив сабли, атакует пехотное каре.

— Мы — лишь пылинка в замысле Творца...

И враг обернулся союзником. Публика вразнобой подхватила:

— Досмотрим же-е-е...
— ...спекта-а-а-кль
— ...до конца-а-а!
— Виват, маэстро!

В боковой ложе, окружен дипломатами миссии Лиги, аплодировал герцог Оливейра. Возраст тяжелой ношей лежал на плечах его высочества, но спина Оливейры чудом оставалась прямой. Сняв шляпу — неслыханная честь! — герцог взмахнул головным убором, приветствуя Пералю. Седые кудри рассыпались по плечам, мешаясь с серебряной бахромой камзола. Маэстро по сей день числился в секретарях Оливейры, не делая для герцогской канцелярии ровным счетом ничего и исправно получая за это приличное жалованье. Должность служила знаком покровительства, щитом против врагов, плащом, накинутым на плечи драматурга — когда-то молодого, безвестного, нищего, теперь же осиянного славой и не нуждающегося в деньгах. Трижды маэстро пытался отказаться от секретарства — или хотя бы от жалованья! — и трижды получал отказ.

— ...до конца-а-а!

В ложе напротив без движения сидел маркиз де Кастельбро. Суровое лицо гранда Эскалоны выражало чувств не больше, чем зубец крепостной башни. Из пяти кресел два пустовали; оставшиеся, помимо самого маркиза, были заняты его детьми: доньей Энкарной и доном Фернаном, графом Эль-Карракес. Граф славился в Эскалоне неподражаемой грацией и жеманными манерами — предметом зависти щеголей всех мастей. Вот и сейчас он аплодировал с медлительностью осенней мухи, едва шевеля изящными руками. В отличие от старшего брата, донья Энкарна хлопала неистово, от души, вплетая свой звонкий голосок в общий хор. Семнадцатилетняя любимица отца, баловень нянек и дуэний, поздний цветок Кастельбро рос гордым и своевольным, шокируя окружающих напором и прямоотой — качествами, свойственными скорее офицеру полка кирасиров, нежели благовоспитанной девице.

Дети маркиза получили прекрасное образование, большей частью — за орбитой Террафимы, в краях далеких и развращенных. Это, как шептались злые языки, и обернулось элегантной томностью доня Фернана, а также колючей беспардонностью доньи Энкарны. Всем известно, что Ойкумена — вместилище пороков, превращающих мужчину в женщину, а женщину — в дьявола.

— А-а-а!

И вдруг — как отрезало. Стихло. Смолкло. Забилось кляпом в глотку. Даже галерка, где между ценителями искусства, не сошедшимися во мнениях, нередко случалась поножовщина — о, буйная галерка, и та прикусила языки. Потому что маркиз де Кастельбро поднялся из кресла, шагнул к барьеру, обтянутому пурпурной тканью, и медленно сдвинул ладони — раз, другой, третий.

— Маэстро, — в мертвой тишине произнес маркиз.

III

Ждут по-разному.

Часы неподвижности, когда лежишь в засаде, и нельзя ни пошевелиться, ни кашлянуть, ни даже глубоко вздохнуть, чтобы не выдать себя. Ожидание приказа «В атаку!» — триста шагов до вражеского редута, над головой свистят шальные пули; высунешься из траншеи — любая из них может оказаться твоей. Скоро придется вставать в полный рост. Приказа все нет и нет, зато шевелись, сколько твоей душе угодно. Перекинься парой слов с товарищами по оружию, хрустни пальцами, разомни затекшие ноги; проведи бруском по лезвию бритвенно-острого кинжала, в десятый раз проверь заточку, распутив вдоль выдернутый из бороды волосок...

А еще бывает такое ожидание, как сейчас. В клоповнике с визгливым полом, со скрипучей кроватью, раздолбанной шлюхами и их похотливыми клиентами. Ты сидишь на койке, уставясь в стену, как полоумный; ты бродишь по комнате из угла в угол, словно зверь в клетке, ты замираешь от каждого шороха, бросаешься к окну, выходящему в переулок, словно там творятся чудеса Господни, от которых зависит спасение души...

Будь Диего Пераль не один, он взял бы себя в руки. Но сейчас, когда никто не мог его видеть, маэстро бесился хуже зеленого новобранца. Помнится, прапорщик Хуарес говаривал: «Злой, как собака? Скрипишь зубами? Руки чешутся кого-нибудь прикончить? Сходи, изруби чучело. Трижды польза: пар выпустишь, под трибунал не попадешь — и руку наконец поставишь, бестолочь!»

Где оно, то чучело? Где, любезное?! Оставалось лишь мечтать о нем, наматывая круг за кругом в исключительной тесноте. Между прочим, доски под сапогами маэстро уже давно замолчали, боясь даже пискнуть, и ножны рапиры больше не цепляли ни стол, ни табурет, ни

спинку кровати. Диего Пераль освоился в новом пространстве. Мимоходом он отметил этот факт — и, будто цапля на болоте, застыл на левой ноге без движения.

Шаги на лестнице. Грузные, уверенные. Скрип ступенек. Тяжкое, утробное сопение. Пауза, и в замке соседней двери заскрежетал ключ. Диего встал на обе ноги, продолжая слушать. Пустое дело: снаружи быстро нарастал шум, поглощая все звуки из номера по соседству.

Крики.

Топот копыт.

Лязг стали. Выстрелы.

Он качнулся к окну. В дальнем конце переулка, у поворота на Лабиз, суетились люди. Эркер углового дома мешал обзору — трудно было понять, чем они там заняты. Кроме эркера, помехой взгляду служил край наспех собранной баррикады. Двое парней-близнецов — грязные холщовые рубахи, кожаные штаны до колен — с грохотом катили полупустую винную бочку. За парнями струился ярко-красный ручеек. Тощая кошка понюхала жижу, резко воняющую уксусом, фыркнула и взлетела на забор.

Из таверны вывалилась давешняя компания пьянчуг:

— Продали!

— ...думает, всех купил?!

— Тут им не обломится!

— Виват, Эскалона!

— Не посрадим!

— За короля!

— За отечество!

Звуки боя надвинулись вплотную, затопив переулок; голоса гуляк потонули в них. «Имперские уланы, — вспомнил Диего слова Энкарны. — На Торговой площади...» А ведь это совсем рядом! Пьяницы словно подслушали его мысли: побросав кружки, они взялись за оружие. Двое — по виду, обнищавшие идальго — извлекли из ножен шпаги. Еще двое обнажили матросские тесаки. Пятый, краснолицый здоровяк в засаленном кафтане, разошедшемся на животе, ухватил прислоненную к стене оглоблю. С решимостью, подогретой вином, вояки двинулись в сторону баррикады, но подойти ближе им не дали.

На баррикаде суматошно захлопали выстрелы. Укрепление заволокло пороховым дымом. В грязно-белом облаке сверкнули охристые вспышки; следом в дыму замелькали тусклые молнии клинков. Там кричали и умирали, звенела сталь, что-то с грохотом трещало и рушилось.

Баррикада не продержалась и минуты. Диего хорошо знал, как атакуют уланы. Дым скрывал от него происходящее, но отставной мастер-сержант Пераль едва ли не воочию видел, как рослые кони на всем скаку перемахивают хилое ограждение, подкованными копытами вбивая защитников в брусчатку. А тех, кто чудом не попал под копыта, настигают сабли уланов — длинные, утяжеленные на концах клинков «чертовыми ладошками».

Из адского облака вывалился человек. Рот, распяленный в крике, обрубок правой руки воздет к небесам. Бедняга споткнулся, упал, попытался встать — и тут, разорвав сизую мглу, прямо над ним возникла оскаленная конская морда. Храпя, жеребец ронял с губ ключья пены. Копыто с хрустом впечаталось между лопатками раненого, превратив человека в раздавленного таракана, судорожно копошащегося на мостовой. Здоровяк с оглоблей взревел быком и, утратив остатки рассудка, кинулся навстречу улану. Сабля и оглобля ударили одновременно. Теряя шлем, улан кувырком полетел на тротуар, а здоровяк рухнул с разрубленной надвое головой, содрогаясь в агонии.

По переулку бежали люди. Всадники догоняли и без жалости секли горожан. Рубиновые обшлага рукавов, багровый подбой мундиров, красные брюки, заправленные в сапоги — вид уланов, словно обрызганных кровью, наводил ужас. Четверка гуляк в самоубийственном порыве заступила кавалеристам дорогу. Тощий, длинный как жердь идальго достал из-за пояса заряженный пистолет, без лишней спешки прицелился. Меткий выстрел вышиб передового улана из седла. Конь, потерявший всадника, взвился на дыбы — опуская копыта на мостовую, он разможил череп улану, пострадавшему от оглобли. Эта заминка дала возможность паре беглецов — близнецам, прикатившим бочку — юркнуть в тесный боковой проулок.

Третий не успел — его зарубили в спину.

Как ни странно, пьяницы — батальон «Трех бочонков», криво ухмыльнулся Диего — еще сражались. Тощий идальго, отшвырнув разряженный пистолет, исхитрился всадить шпагу в грудь молоденькому офицеру. Очень удивленный таким оборотом дел, офицер лег на конскую холку — умирать. Матросский тесак с хрустом рассек чье-то колено. И почти сразу островок сопротивления затопила волна озверевшей кавалерии. Все кончилось в считанные секунды. Двое седоусых ветеранов, спешившись, в остервенении рубили безответных мертвецов, мстя за гибель товарищей.

Пальцы Диего заостенели на эфесе рапиры. Ты — эскалонек, спросил он себя. И ответил: да, эскалонек. Где тебе следовало быть? Там, на скользкой от крови брусчатке. Вместе с героями; вместе с глупцами. Зачем? Глядишь, выстояли бы еще немного. Смерть? Да, честная, правильная смерть. Вместо нее ты выбрал жизнь — нечестную, неправильную. Что тебя ждет? Позор? Нет, тебя ждет Карни, Энкарна Олдонза Мария де Кастельбро. Ты обещал ей добраться до космопорта. Поклялся вместе с ней улететь с Террафимы. Слово и долг. Любовь и ненависть. Честь и честь. Черт возьми, маэстро, эти две лошади разрывают тебя на части. Принять смерть в бою было бы легче...

Живи.

Терпи.

Выбора нет и не будет.

Переулок опустел. Под мертвецами расплзались темные, дымящиеся на солнце лужи. Над ними уже вились вездесущие мухи. В таверну уланы не заглянули.

Зуммер уника пищал с механической монотонностью. В такт ему мигал индикатор вызова. Ибарра не отвечал. Минули обещанные Мигелем полчаса, минул час, пошел второй. Сбросив вызов, Диего набрал номер снова: с тем же результатом. Что-то случилось с Ибаррой? Со связью? Проклятье Господне на инопланетян с их подарками — они предадут в самый ответственный момент!

Продолжать ждать? Но если Ибарра так и не придет? Искать Мигеля в городе бесполезно — даже цари на улицах Эскалоны полное спокойствие, это все равно, что пытаться найти иголку в стоге сена. Отправиться в космопорт, не дождавшись друга? Он обещал Энкарне... И что там делать без открытой секторальной визы? Восхищаться ногами гематрийского танка?! А главное — вдруг Ибарра все-таки явится в таверну и не застанет его здесь? Или того хуже — Диего уйдет, а Мигеля в «Трех бочонках» перехватят соглядатаи маркиза! В том, что свора рано или поздно выйдет на его след, Диего не сомневался. В одиночку Мигель пропадет ни за грош...

Ну почему, почему он не настоял на своем? Почему не узнал у контрабандиста место, где их будет ждать челнок?!

К собственной участи Диего относился с фатализмом солдата. До сих пор рука Провидения хранила Диего Пералю на поле боя и в жизненных перипетиях. Если Господь отвернется от него — значит, такова вышняя воля. Раб Божий Диего не заслуживает более Его благоволения и достоин превратиться в прах. Но Энкарна де Кастельбро со всей беззаветностью юности вручила маэстро свою судьбу — и это сводило Диего с ума.

В сотый раз он щелкнул крышкой хронометра. Взясся за уникам. Писк зуммера отмерял секунды. Время таяло, уходило: из настоящего — в равнодушную бесконечность.

В безнадежность.

Диего выглянул в окно. Трупы никто не спешил убирать, зато в переулке объявилась шайка оборванцев. Озираясь, они принялись обыскивать убитых. Из-за поворота ударил гром копыт. Защелкали по булыжнику стальные подковы. «Двое,» — определил Диего за миг до того, как уланы вывернули из-за угла. Замешкавшиеся мародеры бросились прочь, но удрать сумел лишь один. Его менее удачливых товарищей, прижатых к баррикаде, уланы отправили в ад с деловитой сноровкой — так в конце рабочего дня рубит сучья усталый дровосек.

Опять на глазах Диего имперские уланы убивали эскалонцев. Впрочем, на сей раз маэстро кивнул с мрачным одобрением. С мародерами у солдат любой армии разговор был короткий. На месте имперцев Пераль поступил бы так же.

Стрелки хронометра сошлись на цифре «12».

Полдень.

Приняв решение, Диего быстро собрался. Оставив дверь открытой, он бегом спустился по лестнице на первый этаж. Жестом подозвал хозяина; спросил перо, чернильницу и лист бумаги.

— Я ухожу.

— Может, обед? На кухне жарится роскошный каплун...

— Не надо. Если меня спросит один сеньор...

— Какой именно сеньор?

— Высокий, черноволосый. На вид — лет сорока. Шрам на левой скуле.

— Что я должен ответить сеньору со шрамом?

— Передайте ему эту записку.

— Сеньор со шрамом представится? — хозяин принял у Диего записку, сложенную вчетверо, и горсть серебряных реалов.

— Он может назваться Мигелем. Но если он не захочет назвать имя...

— Я понял, сеньор. Высокий, черноволосый, со шрамом. Не извольте беспокоиться.

— Благодарю.

На пороге Диего задержался. Окинул поле боя цепким, внимательным взглядом. И, надвинув шляпу поглубже, шагнул на воняющую смертью брусчатку.

Хозяин «Трех бочонков» следил из окна, как постоялец идет между трупами — не глядя под ноги, но при этом ни разу не замарав подошв кровью. Ага, нырнул в проулок. Исчез, сгинул во тьме. Выждав для верности еще пару минут, хозяин развернул полученную записку.

«Жду тебя там, куда мы договорились отправиться. Свяжись со мной. И поторопись. Д.»

Тертый калач, хозяин по достоинству оценил лаконичность записки. Тот, кому она предназначена, все поймет. А другой честный, но предприимчивый человек вряд ли сумеет извлечь из этого текста хоть какую-нибудь прибыль.

Нет, подумал он. Людям с такими длинными рапирами доверять нельзя.

IV КОЛЕСНИЦЫ СУДЬБЫ (не так давно)

— Дон Луис!

— Ваше здоровье!

— Ваш талант!

Дюжина пробок ударила в потолок. Игривое вино хлынуло в бокалы, обдавая собравшихся пеной. Зазвенел хрусталь, откликнулись, укатившись под стол, три пустые бутылки.

— Виват!

Многие недоумевали, почему Луис Пераль пригласил избранных друзей в «Гуся и Орла» — заведение, скажем прямо, средней руки. Отметить спектакль, равно как шестидесятилетний юбилей драматурга, можно было и пореспектабельнее. Но спорить, а тем паче лезть с вопросами или советами, не рискнул никто. Хозяин таверны, папаша Лопес — сын папаши Лопеса, внук папаши Лопеса, один из вереницы тучных, краснощеких папаш, уходящих от жаровен и сковородок прямоком на кладбище Санта-Баррахо — лоснился от счастья. Польщен доверием несравненного «el Monstruo de Naturaleza», он расстарался на славу. Со второго этажа выгнали всех шлюх, строго-настрого запретив возвращаться до завтрашнего утра. Посуду одолжили в дружественной ресторации, оставив задаток «на бой». Вино привезли из личных погребов герцога Оливейры, с милостивого разрешения его высочества. Гусей наняли смазливых и расторопных, служанок жарили с утра; тьфу ты! — все наоборот.

В суете кто хочешь зарапортуется.

— Эпиграмма, — спросила какая-то женщина. — Дон Луис, почему в спектакле не прозвучала ваша знаменитая эпиграмма?

Вокруг зашептались. Вопрос был задан с такой провокационной невинностью, что он мог принадлежать только одному человеку во всей Эскалоне.

— Вы очень наблюдательны, донья Энкарна, — Пераль поклонился дочери маркиза де Кастельбро. — Я бы сказал, что вы наблюдательны так же, как прекрасны, а прекрасны вы безмерно.

Еще поклон: сложный, церемонный, достойный королевского двора. Присутствующие затаили дыхание. Взрослые люди по-детски испугались, что седая шевелюра «одуванчика» возьмет да и облетит на пол, под ноги гостям. Недаром Луису Пералю, откажись он от ремесла комедиографа, прочили актерскую карьеру.

— И все же, — настаивала юная донья. — Почему?

Драматург улыбнулся:

— Начнем с того, что не было дня, когда я бы не сожалел о проворстве своего злого языка. Увы, здравомыслящий дон Рассудок — жалкий тьюфяк. Пока он натянет поводок, собака успевает укусить.

Ответная улыбка доньи Энкарны цвела майской розой:

— Это начало, дон Луис. Чем же мы продолжим?

Рядом с пожилым драматургом дочь маркиза выглядела еще моложе, чем на самом деле — считай, ребенком. Она целиком и полностью соответствовала замечанию многоопытной донны д'Армуа, высказанному в «Записках старухи»: «У эскалонок роскошные волосы цвета воронова крыла, смуглая кожа, большие огненные глаза, правильные черты лица, красивые руки и такие маленькие ножки, что на них пришлось бы впору башмачки шестилетнего ребенка.»

— Фактами, госпожа моя, — Пераль сделал глоток вина. — Образы надо перекладывать фактами, как пресные лепешки перекладывают влажными салфетками. Так они долго не черствеют.

— Какой же факт вы припасли для меня?

— Этот ужасный, этот отвратительный пасквиль, который вы по недоразумению именуете эпиграммой, — бархатный голос драматурга струился, обволакивал, превращал острую ситуацию в дружескую беседу. — Он ни разу не звучал в постановках «Колесниц судьбы». Надеюсь, вы понимаете, почему?

Донья Энкарна развела руками:

— Нет, не понимаю. Вы видели знаменитую постановку Монтелье?

— К сожалению, нет. У меня аллергия на плесень *кюим-сё*. А иного способа посмотреть арт-транс-фильм не изобрели. Вы же, как я понимаю, видели этот шедевр?

— Да. У меня нет аллергии. Я видела арт-транс, а потом — обычный фильм. Вы не знали, что Монтелье согласился переложить образы арт-транса в вариант для визора?

— Знал, разумеется. И неплохо заработал на переложении.

— На визор у вас тоже аллергия, дон Луис?

— О да! Еще больше, чем на плесень!

Вокруг расхохотались. Смех послужил сигналом — гости разошлись по залу, большинство начало садиться за столы, накладывать себе в тарелки, наполнять бокалы. Завязались разговоры, стало шумно. Рядом с драматургом и его упрямой собеседницей остались двое: дон Фернан и мужчина лет тридцати пяти, одетый скромней, чем полагалось бы на юбилее. Брат доньи Энкарны со скучающим видом разглядывал свои ногти. Спутник дон Луиса хмурился, словно хотел уйти, да не имел права. Так сдвигают брови, когда твой друг нарывается на дуэль, грозя втянуть в схватку и секундантов.

Рапира на поясе мужчины усиливала гнетущее впечатление. Здесь многие были при шпагах, включая дону Фернана. Но изящество легких клинков, скорее украшений, чем оружия, резко контрастировало с тяжелой рапирой, суровой и неприветливой, как ее хозяин. Чашку эфеса покрывала сеть царапин; ранние морщины такой же сетью лежали на лице владельца рапиры.

— Тогда поверьте мне на слово, — тоненькие пальцы доньи Энкарны тронули рукав драматурга. На золотом шитье они смотрелись лепестками розы, осиянными утренним солнцем.

Критики дружно пеняли Луису Пералю за вычурность описаний, но лепестки под солнцем кочевали из одной пьесы маэстро в другую, вызывая неизменный восторг публики. — У Монтелье звучит ваша эпиграмма, посвященная моему благородному родителю. «У любвеобильного маркиза...» Не напомните, как дальше?

— Отец! — предупреждая воскликнул мужчина с рапирой.

Драматург повернулся к сыну:

— Что, Диего?

— Я...

— Ты не рожден оратором, мальчик мой. Но я слышу каждое произнесенное тобой слово. Ты хочешь сказать, что разговор зашел слишком далеко. Что мне следовало бы вернуться к гостям. Что донья Энкарна — бриллиант Эскалоны, равного которому не найти. Я прав?

Диего Пераль собрался возразить, а может, согласиться, но его опередил дон Фернан. Продолжая изучать овалы собственных ногтей, вытянув руку далеко вперед, наследник рода Кастельбро шагнул к сестре:

— ...что ни ночь, то новенькая киса, — приятным тенором произнес дон Фернан. — Что ни утро, старая беда — ночь прошла впустую, господа! Дон Луис, я гожусь в актеры?

— О да! — вместо драматурга, смеясь, ответила донья Энкарна. Взгляд девушки уперся в Диего Пералья, как если бы и впрямь мог оттолкнуть Пералья-младшего к стене. — Так вот, маэстро... Я всегда хотела спросить у вас насчет этой эпиграммы. Вот перед вами я, дочь своего отца. Вот Фернан, мой элегантный брат. Вы не находите, что само наше существование противоречит смыслу ваших стихов? Нет, форма, как обычно, восхищает. Но содержание? Ваше мнение, дон Луис?

— Разумеется, — кивнул Луис Пераль. — Я был молод и глуп. Ради удачного стихотворного оборота я пренебрег здравым смыслом. Умоляю простить меня, госпожа моя.

Он склонил голову — в первую очередь, чтобы скрыть бесенят, пляшущих в глазах «el Monstruo de Naturaleza». Чувствовалось, что на языке Луиса Пералья вертится другой ответ — тот, за который бьют не палками, но сталью. В Эскалоне шептались, что вторая жена маркиза де Кастельбро, мать Фернана и Энкарны, в отличие от первой, умершей бездетной, была женщиной разумной и без предрассудков.

Но тс-с-с, даже у стен бывают уши!

— Вы ошиблись, — согласилась девушка. — Но не в том, в чем каетесь. Вы ошиблись, убрав эпиграмму из текста пьесы. Оставьте вы ее, и злоба выветрилась бы, а адресность укола исчезла без следа. Осталась бы язвительность, направленная на любого, кто подвернулся бы под удар. Это примерно как ваша рапира, дон Диего — при всей ее грозности она неоскорбительна. Она — следствие, а не причина.

— Зовите меня сеньором Пералем, — мрачно откликнулся сын драматурга.

— Отчего же? Ведь его величество пожаловал вашего гениального отца дворянством. Если не ошибаюсь, потомственным. Вас смущает обращение «дон»?

Диего пожал плечами:

— Обращайтесь ко мне, как вам будет угодно. Мне все равно.

— Вторая ошибка, — донья Энкарна отвернулась от сына к отцу, — это финал. У Монтелье главный герой «Колесниц судьбы» накладывает на себя руки. Решение благородное и трагическое, оно вынуждает зрителей проливать слезы. В эскалонских постановках герой остается жив. В последнюю минуту объявляется король — и, как полагается монарху, рубит все узлы. Герой вознагражден, враги героя частью наказаны, частью примиряются со вчерашним оскорбителем. Народ ликует и славит владыку. Вы считаете такой финал более выигрышным?

Пераль развел руками:

— Я считаю его традиционным.

— То есть?

— Если в конфликте пьесы участвуют высокопоставленные особы — скажем, гранды — традиция эскалонского театра велит разрешать конфликт вердиктом его величества. Не я это придумал, не мне отменять.

— Но Монтелье...

— Монтелье родился не на Тетрафиме. Он космополит, гражданин Ойкумены в полном смысле этого слова. И он адресовал свой шедевр совсем иному зрителю.

— А если, — не сдавалась юная донья, — в конфликте пьесы участвуют высочайшие особы? Короли и королевы? Кто тогда имеет право разрешить конфликт?

— Бог, — внезапно сказал Диего Пераль. — Господь — опора наша среди бури.

— Вы так думаете?

— Я в этом убежден.

V

Проулок, где нашли спасение беглецы-близнецы, напоминал собачий лаз. Здесь нужно было протискиваться боком, придерживая рапиру и пистолет, чтобы не цеплялись за стены, сложенные из шербатого, пачкающего одежду кирпича. К счастью, окон сюда не выходило, а значит, под ногами не хлюпали дурно пахнущие помои. Добравшись до конца этой нелепой — этой благословенной! — щели между домами, Диего выглянул с осторожностью человека, очень дорожащего собственной шкурой. Улица Рассветная, получившая название благодаря тому, что ее проложили точнехонько с запада на восток, походила на пустыню. Тут боины не случилось. Трупы и кровь на мостовой отсутствовали, зато в избытке имелись следы паники и слепого бегства. Брошенный впопыхах саквояж, распотрошенный воришкой. Драная шляпа с пером — когда-то белым, сейчас грязным и сломанным. Дешевые часы раздавлены каблуком. Пара оторванных пуговиц; клетчатый платок — ветер лениво гонял тряпицу от стены к стене...

Пересекая улицу, Диего затылком ощущал настороженные взгляды из-за занавесок. Казалось, взвод мушкетеров взял его на прицел, решая: спустить ли курок? Со стороны площади Ал-Гаррез неслась беспорядочная пальба. Дважды, бабой под изголодавшимся гренадером, ахнула хрипая пушчонка. Время от времени звуки выстрелов перекрывал вопль толпы. Вздыхался могучим крещендо — и откатывался, опадал, чтобы позже вскипеть новым шквалом боли и бессильной ярости.

Повернувшись спиной к шуму схватки, Диего ускорил шаг.

Проезд Шорников, куда вскоре выбрался маэстро, являл собой полный контраст безлюдью Рассветной улицы. Прилив здесь столкнулся с отливом: дело, невозможное для океана, но вполне реальное для людей, волей судьбы и сильных мира сего вовлеченных в мятеж. Навстречу друг другу спешили десятки, если не сотни эскалонцев. Одни торопились убраться подальше от кровавого водоворота, захлестнувшего центр города, другие же, вооруженные кто мясницким ножом, кто ржавой дедовской аркебузой, с самоубийственной решимостью стремились в самое пекло.

Вот ведь, подумал Диего. Мне не по пути ни с первыми, ни со вторыми.

Он углубился в лабиринт кривых улочек и проходных дворов, насквозь провонявших мочой и конским навозом. Следовало выйти к западной окраине, откуда укатанная дорога вела к космопорту. Пешком — часа два, не меньше. Но за пределами бунтующего сердца Эскалоны — Господь, оглянись! — появится возможность нанять экипаж. Возницы — народ отчаянный, за грош удавятся — даже если небо начнет валиться на землю.

«Отобрать у кого-нибудь лошадь? У кого? Да хоть у случайного улана или гусара, если проедет в одиночку...»

Скверная идея — пробираться через кипящий город, каждую минуту рискуя нарваться на отряд солдат, банду обнаглевших от безнаказанности грабителей или стаю трущобных крыс, повывлезавших из всех щелей. О наемниках маркиза де Капельбро тоже забывать нельзя. Но как усидеть в четырех стенах, ощущая себя мышью, забившейся в нору? Сказано в Писании: есть дни рассудка, а есть дни сердца, и ближе они Создателю. Если Мигель поспеет вовремя, Диего с Энкарной сегодня покинут Тетрафиму. Если же нет... Кто знает, вдруг им представится другой шанс улететь с планеты! И где этот шанс станет их поджидать, если не в космопорте? Уж всяко не в «Трех бочонках»!

Диего прекрасно понимал, сколь смехотворно выглядят все эти резоны. Самообман, припарки для мертвеца. Тем не менее, он продолжал двигаться в выбранном направлении. Цель

поставлена: достичь Сан-Федрате. Все остальное потеряло значение. Придем на место, тогда и решим, что делать дальше.

Отсчитав очередную сотню шагов, он быстро оглядывался на ходу. Дважды позади мелькал подозрительный незнакомец. Тот словно сошел со сцены, героем одной из многочисленных пьес отца — сутулая фигура, закутанная в плащ, широкополая шляпа надвинута на самый нос. Оглянувшись в третий раз, Пераль никого не обнаружил.

Добравшись до знакомого с детства «сквозняка», Диего нырнул туда, словно мальчишка — в летнюю реку. Миг, и маэстро покинул «сквозняк» так же стремительно, как и объявился в нем. Лишь качнулась облезлая циновка, скрывающая темную щель бокового, мало кому известного коридора. Этой уловке научил его Альваро Рохас, охотник на тигров. Сам Диего никогда не охотился на огромных полосатых кошек, но склонен был верить дону Альваро: почуяв преследователя, тигр уходит в отрыв и кружным путем возвращается на собственный след, чтобы подобраться к ловцу со спины.

Тигр, подумал Диего. Ястреб. Мой ястреб.

И ничего не почувствовал.

Внутренний дворик с лужей посередине, не просыхающей и в лютой зной. На узеньких, в две ступни шириной, балконах сушится цветастое тряпье. Морщинистая старуха со стеклянным глазом пялится из окна второго этажа. Лохматый барбос выкусывает блох. Ухо барбоса оторвано, торчит сизый хрящ. Подворотня. Поворот. Тупик, который на деле — не очень-то тупик. Калитка, прячущаяся в нише, заплетенной виноградными лозами. Здесь, сколько Диего себя помнил, всегда стоял густой запах дегтя. Затворив калитку — аккуратно, стараясь не скрипнуть петлями, — маэстро миновал еще один двор: сумрачный замшелый колодец. Тут окна напоминали бельма слепца: их плотно закрывали разбухшие от сырости ставни. Ворота с отвалившейся створкой, арка, ведущая наружу, похабный рисунок углем на стене — и маэстро оказался на той же улице, по которой недавно поднимался, только на квартал ниже «сквозняка».

Петля захлестнулась. Сейчас Диего намеревался выяснить, кто в нее угодил. Впереди мелькнул край плаща, задранный ножнами шпаги. Маэстро ускорил шаги. Спеша догнать незнакомца, он едва не споткнулся о забулдыгу, копошившегося на мостовой. Окружен густым облаком винных испарений, пьяница на четвереньках ползал по брусчатке, бормоча ужасные богохульства и собирая рассыпавшиеся медяки. При попытке обойти это существо, уже не вполне двуногое, выяснилось, что оно всякий раз непостижимым образом оказывается у тебя под сапогами. Справиться с живым препятствием Диего удалось лишь с третьей попытки, хорошенько пнув сукиного сына в копчик. К счастью, вероятный соглядатай тоже задержался у «сквозняка». Сняв шляпу, он высматривал сгинувшего клиента.

Со звоном раскатились монеты, вновь упущенные пьяницей. К небесам вознеслась забористая брань: досталось и чертям, и святым, и солдатской матери, и какому-то Мануэлю Диасу, по всей видимости, отъявленному мерзавцу. Соглядатай обернулся на крики, но Диего уже стоял рядом.

— Не мной ли интересуетесь, сеньор?

Человек в плаще правильно оценил ситуацию. Он не стал хвататься за шпагу, что лишь усилило подозрения Диего. Незнакомец знал, с кем имеет дело. Медленно, избегая резких движений, он водрузил на голову шляпу и выпрямился, стараясь сохранить достоинство.

— Не имею чести быть знакомым.

— Вынужден вам не поверить.

— Ваши слова оскорбительны, сеньор. Но я не ищу ссоры с вами. Всякому простительно ошибиться. Надеюсь, вы удовлетворены?

К шпаге незнакомец по-прежнему не прикасался. Было ясно, что даже плюнь собеседник ему в лицо, и то он не даст ни малейшего повода для поединка. Оставался единственный способ проверить догадку. Пожав плечами, Диего отвернулся от соглядатая — что, мол, взять с отъявленного труса? — сделал шаг, другой, притворяясь, что уходит, и не ошибся в своей провокации. За спиной раздался шорох плаща. С плавной стремительностью Диего скользнул в сторону, левой рукой придерживая рапиру, а правую заводя назад, к поясу — и метательный нож с дырчатой рукояткой, шипя разъяренным котом, распорол горячий воздух над плечом маэстро. Не

успел нож звякнуть о стену в двух локтях от пьяницы, а кинжал Пераля уже отправился в ответный полет. Клинок до половины вошел в бедро незнакомца. Наемник маркиза — в этом больше не осталось сомнений! — сдавленно охнул. Скособочившись, он потащил из ножен шпагу, но опоздал. Сильным пинком Диего вышиб оружие из пальцев раненого. Шпага зазвенела о брусчатку, а Пераль, наградив противника знатной оплеухой, выдернул кинжал из его бедра. Соглядатай упал на спину, сильно ударившись затылком. Багряный ручей хлынул на камни мостовой, пятная короткие, стянутые завязками ниже колен штаны и башмаки с пряжками.

— Перевяжитесь, — без особого сострадания посоветовал Диего, вытирая кровь с кинжала. За неимением лучшего он воспользовался шляпой наемника. — Иначе истечете кровью. Смерть легкая, но все равно смерть.

Более не интересуясь судьбой несчастного, он исчез в «сквозняке»: на этот раз окончательно.

— Идиот, — прокомментировал ситуацию пьяница.

Отшвырнув медяки прочь, забулдыга поднялся на ноги. Взгляд его был прикован к соглядатаю: привалась боком к стене, тот спешно перетягивал рану полосами ткани, оторванными от пелерины плаща. Лицо раненого, смуглое от природы, сделалось бледным, как остывший пепел. Губы тряслись, на лбу блестели крупные капли пота.

— Ты идиот, Мануэль Диас, — повторил пьяница.

— Я идиот, — покорно согласился раненый.

— Дорезать тебя, что ли?

Пошарив за пазухой, пьяница извлек серебристую коробочку уникама. Не активируя сферу видеосвязи, уверенно набрал номер. Пальцы мнимого забулдыги нисколько не дрожали, бегая по вирт-сенсорам. Дождавшись сигнала приема, он деловито сообщил:

— Докладывает Малыш Пепито...

КОНТРАПУНКТ ИЗ ПЬЕСЫ ЛУИСА ПЕРАЛЯ «КОЛЕСНИЦЫ СУДЬБЫ»

Кончита:

За что же не любить профессоров?

Федерико:

За знания.

Кончита:

Ты к знаниям суров!

Федерико:

Суров не я, судьба куда суровой!
Она глядит на мудрых, сдвинув брови:
Что знает наш профессор, тем не мене,
Давно известно детям в Ойкумене!
Ведь там, за мрачной чернотой небес
Им знания подкидывает...

Кончита:

Бес!

Федерико:

Ну, я б сказал — прогресс. Но ты, дитя,
С сей рифмою расправилась шутя!

ГЛАВА ВТОРАЯ

ОНА И ОН

I

На ходу Диего вновь набрал номер Мигеля: пустое занятие. Контрабандист не отвечал. Вокруг котлом на адской жаровне кипела Эскалона. Огонь мятежа разогревал человеческое варево неравномерно: где-то уже вовсю булькало, где-то едва начало идти пузырями, а в большинстве мест царила сонная одурь болота. Впрочем, и в болоте следовало держать ухо востро. Тут водились разные твари: от скользких пиявок-кросососов до ядовитых гадюк с зубами из острой стали.

Эскалону называли городом контрастов. В смутное время это качество резко усилилось. Со стороны могло показаться, что город охвачен эпидемией безумия. Возникнет из ниоткуда орущая толпа, прокатится мутным валом по улице — и сгинет за углом, как не бывало. Вновь — мертвая тишина и запустение. Лишь боязливо дрогнет в окне мансарды кружевная занавеска, да кот пройдет по краю забора, распушив хвост. Грянет вдоль проспекта эскадрон улан: лазурь и багрянец, молнии клинков, гром копыт. Ударят вслед редкие выстрелы из подворотен. А рядом харчевня — накачиваются дрянным пивом торговцы зерном, вслух прикидывая, сильно ли вырастут к осени цены на овес и пшеницу. Спешат на помощь мятежникам буйные сорвиголовы; троица проходимцев прижала к стене и потрошит зазевавшегося бунтаря. Хорошо еще, если кошелек вывернут, а кишки в брюхе оставят. Повезло дураку...

«Не повезло,» — отметил Диего Пераль.

Он шел мимо трупа, скорчившегося на пороге запертой лавки. В ответ труп тихо, но отчетливо застонал. Диего замедлил шаг — и мысленно проклял себя за излишнюю чувствительность. Любопытство? Сострадание? Маэстро и сам до конца не знал, что двигало им в тот момент. У ног его, зажав ладонью окровавленный бок, скорчился гематр — ровесник Диего, в уродливой инопланетной одежде.

Господи, воззвал Диего. Ну что Тебе стоило отвести мне глаза? Меня ждут Энкарна и челнок — Мигель объявится, его слово дороже золота! — а время утекает, просыпается песком сквозь пальцы. Стон раненого слился для Диего с песчаным шелестом секунд. Время гематра уходило еще быстрее, вытекало из тела, сочились меж пальцев в прямом смысле слова — темной, густой кровью...

В который раз за этот нескончаемый, выматывающий день маэстро оказался перед выбором. «Любая задача имеет решение, — утверждал мар Яффе, школьный учитель Диего, тоже гематр. — Просто решений бывает больше одного.» Малыши не на шутку пугались, впервые увидев мар Яффе, учителя логики и математики. Бледное, лишненное страстей лицо; скупые, механически выверенные жесты. По мнению детей, учитель походил на мертвеца, восставшего из могилы. Мар Яффе не повышал голос. Не прибегал к розгам, считая телесные наказания «бесполезным варварством». При всем гуманизме учителя, на уроках мар Яффе царила гробовая тишина, в которой звучал лишь ровный монолог гематра. Случалось, учитель умолкал, выдерживая точно рассчитанную паузу — и продолжал объяснения: сухо, четко, бесцветно.

Над его зубодробительными задачами школьники корпели ночами. Скрипя зубами, Диего грыз гранит чуждой науки, ибо знал: сдавать придется в любом случае. Пять, десять, двадцать раз — пока не найдешь ответ. Мар Яффе всегда добивался нужного ему результата — и требовал от учеников аналогичного упорства. Годы спустя до маэстро дошло: то, от чего дымились мозги эскалонских школьников, для гематра считалось набором простейших азов. На родине учителя такое, наверное, проходили в ясельной группе детского сада. Вся без исключения Эскалона, от уличного мальчишки до короля, должна была представляться учителю сборищем тупых дикарей. Между ними и соотечественниками мар Яффе лежала пропасть размером с необъятную Ойкумену.

И тем не менее год за годом мар Яффе методично вдалбливал в бестолковые головы юных эскалонцев азы инопланетных премудростей. Зачем он это делал? Почему избрал стезю школьного учителя? Неудачник, не сумевший найти лучшего заработка? Или это был итог непостижимого для простых смертных гематрийского расчета? В конце концов, святой Исидор

тоже двенадцать лет провел среди дикарей, претерпевая лишения и неся заблудшим душам свет истинной веры.

Сравнение безбожника-гематра со святым Исидором пахивало ересью.

Каждая задача имеет решение, думал Диего. Но когда решений больше одного, приходится делать выбор. А я не гематр, чтобы просчитать все возможные последствия. Гематров называют «живой математикой Бытия». Чушь! Бытие есть воплощение замысла Создателя, и математика бессильна перед божественной волей. Не знаешь, как поступать? Забудь о расчетах и резонах! Поступай так, как велит тебе сердце. Слова святого Исидора, Второе Послание к островитянам, глава третья, стих седьмой.

Странное дело: слова эти, по большому счету, нисколько не противоречили высказыванию мар Яффе. Снова ересь?

Диего Пераль шагнул к лавке. Присел на корточки рядом с раненым. Убедился, что гематр в сознании и смотрит на него — без всякого выражения, как и его соотечественники.

— Идти сможете?

Гематр закрыл глаза:

— Сам — нет.

На миг лицо раненого исказила страдальческая гримаса, и оно сделалось похожим на человеческое. Боль — великий уравниватель. Хорошо держится, оценил Пераль. Силы экономит: лишнего не шевелится, слов произносит минимум. Гематрийская расчетливость была сейчас кстати.

— Я помогу. Отсюда недалеко до вашего квартала.

— Полкилометра по прямой.

Случилось чудо: гематр улыбнулся. Улыбка инопланетянина выглядела жутко, *сделанно* — так скверный актер выстраивает мимические мышцы, словно солдат-новобранцев, в шаткий строй, готовый пасть под атакой в первый же миг. Впрочем, кошмарная улыбка сразу сменилась прежней гримасой боли. Гематр со свистом втянул воздух сквозь стиснутые зубы:

— Перетяните рану. Режьте штанину. Ткань непромокаемая.

Ткань оказалась еще и эластичной. Теперь главное, отметил Диего, добраться до квартала гематров и сдать раненого землякам. Там его быстро поставят на ноги — при их-то медицине! Он забросил левую руку гематра себе на плечо и осторожно поднялся, придерживая беднягу за спину. Постоял, давая раненому привыкнуть к вертикальному положению.

— Ну что, идем?

— Да.

Пробный шаг удался. Гематр висел на Диего мешком, но ноги все-таки не волочил, а переставлял.

— Какова у нас вероятность, — Пераль вспомнил о талантах гематров, — благополучно добраться до вашего квартала?

Гематр молчал секунд десять.

— Слишком много неизвестных мне факторов. Я не могу произвести точный расчет, — он подумал и добавил: — Извините.

Утешил, вздохнул Диего.

Этот район города маэстро знал плохо. Поначалу держать направление, указанное гематром, получалось легко — улица, по которой они двигались, вела в нужную сторону. Увы, впереди образовалась толпа, увлеченная грабежом платяной лавки — издержки мятежей от сотворения мира до дня сегодняшнего. Грабителей благополучно обошли дворами, но, петляя по закоулкам, Диего потерял всякие ориентиры — и теперь с трудом представлял, куда двигаться дальше. Спросить у гематра, в чьей голове, похоже, имелся встроенный компас, не удалось: раненый впал в полубессознательное состояние. Влекомый Диего, он механически шевелил ногами, но взгляд его отблескивал мутным бутылочным стеклом. От бедняги остро, как от загнанного коня, несло потом, и это без видимых оснований раздражало маэстро. Казалось, если Господь лишил свое творение чувств, присущих человеку, то Он должен был лишить его и

способности потеть, испражняться, терять кровь. Лучше бы лишил! Следовало торопиться, если Пераль хотел дотащить бедолагу живым.

Диего попытался сориентироваться по солнцу. Стремясь достичь квартала гематров, они брели на запад. Солнце, перевалив за полдень, поджаривало правую щеку. Нам туда, определился маэстро. Для верности он подбородком указал в глубину вонючего проулка. Имелся ли там выход, Диего понятия не имел. В крайнем случае, придется вернуться и поискать другой путь. Даже самому себе он не признался бы, что просто тянет время. Бегство в Сан-Федрате, спасение гематра — что угодно, лишь бы не маяться в четырех стенах! В глубине души тлела надежда, что Мигель перезвонит. Они встретятся у космопорта, заберут Карни...

Все будет хорошо.

Последнюю фразу Диего старался не произносить даже мысленно — чтоб не сглазить. О нет, маэстро, всей душой полагаясь на Господа, не был суеверен! Но, понимаете ли, есть такие вещи...

Ну, вы понимаете.

Дольше тянуть было нельзя: гематр мог в любой момент откинуть копыта. Нельзя же сказать «отдать Богу душу» по отношению к инопланетному безбожнику?! Диего решительно двинулся вперед. Проход в конце проулка, к счастью, отыскался — узкий, как дверь в рай. Вдвоем они едва протиснулись — и оказались на утоптанном земляном пяточке, от которого расходились три кривые улочки. Ни одна из них не вела в нужном направлении. Поверх ветхого дощатого забора и ветвей серебристых олив, припорошенных пылью, виднелись сверкающие на солнце купола и параллелепипеды жилых башен гематрийского квартала. Рукой подать, но как туда добраться? Словно отвечая на невысказанный вопрос, в заборе с душераздирающим скрипом отворилась калитка. На Диего с боязливым любопытством глядела молодая женщина в чепце.

— Его ранили?

В голосе женщины тревога мешалась с восторгом. Еще бы! Сидишь тут, нос на улицу высунуть боязно, а хочется — аж невтерпеж! И вдруг, хвала Создателю, тебе прямо к порогу притаскивают истекающего кровью чужака. Соседкам рассказать — помрут от зависти!

— Как нам дойти до гематрийского квартала, сеньора?

— Да вот же, через наш двор! — всплеснула руками женщина. — Давайте, я вас проведу. За флигелем в переулочек... Идемте!

Она отступила в сторону, приглашая гостей во двор. Диего медлил, глядя на здания инопланетного квартала. Женщина говорила правду: путь через ее двор представлялся кратчайшим.

— Благодарю вас, сеньора.

Взвизгнув, калитка захлопнулась за спиной Диего. С проворством болонки, почувавшей лакомство, хозяйка направилась вперед, лавируя меж масличных деревьев. На ходу она оборачивалась, повторяя, как заведенная:

— За мной сеньоры! За мной!

Поспевать за ней стоило труда: отягощен раненым, Диего двигался со скоростью беговой черепахи. В очередной раз махнув сеньорам рукой, женщина скрылась за домом. Маэстро последовал за ней, свернул за угол — и остановился.

Хозяйственный двор. Глухая стена жилища. Три кособоких сарая. Колода для колки дров. Поленица под навесом. Приоткрытая дверь в конюшню. Хозяйка исчезла. Посреди двора, шагах в десяти от Диего, стояли трое мужчин, увешанных оружием. В отличие от геройски погибших завсегдаев «Трех бочонков», эта троица не слишком походила на бандитов, а значит, была опасна вдвойне. Нагрудники из буйволиной кожи в два слоя, чашки шпаг — в царапинах и вмятинах. Кинжалы с потертыми, хватистыми рукоятками готовились выпорхнуть из ножен в любое мгновение.

Поодаль ждал четвертый, нюхая надушенный платок.

— Утомились, дон Фернан? — спросил Диего Пераль. — Еще бы, сегодня такая жара...

— Вы правы, — согласился наследник маркиза де Кастельбро. Лицо его выражало самое искреннее огорчение. — Я бы предпочел сейчас вино с ледника и кресло в тени. Увы, приходится

хлопотать, бить ноги. Задержитесь на минутку, дон Диего. Эти господа хотят взять у вас урок. За мой, разумеется, счет.

II КОЛЕСНИЦЫ СУДЬБЫ (не так давно)

— Я хочу нанять вас, дон Диего.

— Зовите меня сеньором Пералем, ваше сиятельство.

— Гордыня, — кивнул маркиз, думая о чем-то своем. — Понимаю...

Поднявшись из кресла, он встал у окна кабинета: тень на фоне солнца. Диего, которому не предложили сесть, ждал продолжения. Утром, получив со слугой приглашение в особняк де Кастельбро, он долго ломал голову, зачем маркизу могли понадобиться таланты скромного маэстро. Особенно такого маэстро, который носит фамилию Пераль.

— Я буду звать вас доном Диего, — подвел итог маркиз. Прямой, как флагшток, в вышитой бисером домашней шапочке, скрывавшей обширную лысину, он напоминал судью, выносящего приговор. — Учтите, это не есть знак какого-то особого уважения к вам. Я имею в виду, лично к вам.

Насмешка, предположил Диего.

— Нет, — ответил маркиз.

Лицо гостя, при всей его малоподвижности, было для хозяина особняка открытой книгой. Маркиз, искушенный в интригах царедворец, не нуждался в словах или гримасах, чтобы понять, о чем думает сын Луиса Пералья.

— И не насмешка гранда Эскалоны над скороспелым идальго. Это уважение к воле его величества, пожаловавшего вашего отца дворянством. Наследственным, замечу, дворянством. Это поклон в сторону трона. Лично вы здесь совершенно ни при чем. Такой вариант вас устроит?

Диего молчал.

— Что еще? — поднял брови маркиз.

Старый ворон, он был во всем черном. С годами де Кастельбро высох, темная одежда лишь подчеркивала его худобу. Из подбитых ватой штанов, похожих в бедрах на шары, смешно торчали ноги в чулках. Камзол тесно обтянул торс. Манжеты рукавов подчеркивали узость запястий. Голова лежала на туго накрахмаленной фрезе воротника, как на блюде.

— Нанять, — сказал Диего. — Мне не нравится это слово.

— Но вы же служили в армии?

— В солдаты вербуют. А нанимают, ваше сиятельство, наемников.

— Вы видите разницу?

— И преотчетливую.

Он ждал, что его сейчас выгонят взашей. Он ошибся.

— По-моему, наш разговор складывается не самым удачным образом, — маркиз сухо улыбнулся. Казалось, упрямство собеседника забавляет гранда Эскалоны. — Начнем сначала. Дон Диего, я хочу прибегнуть к вашим услугам. К вашим, если угодно, профессиональным услугам.

— Вам требуется учитель фехтования?

Скрыть изумление стоило большого труда. Воображение, не слишком живое в обычные дни, вдруг разыгралось. Диего ясно представил себе зал, манекены, шпаги в стойках — и престарелого маркиза де Кастельбро без камзола, в одной сорочке, выслушивающего указания маэстро Пералья: «Встать в меру! Финт, ангаже! Руку тверже!..»

Пятеро, подумал он. С палками. Болван, они придут к тебе после первого же урока. Ты их убьешь, и тогда придут шестеро с мушкетами.

— Мне? — удивился маркиз. — Спасибо, не надо.

— Тогда я не понимаю...

— Я могу положиться на вашу скромность, дон Диего? Мне говорили, вы не из болтливых. Это, пожалуй, важная из причин, по которым я обратился именно к вам.

— Разумеется, ваше сиятельство.

— Учитель фехтования требуется моей дочери.

— У нее намечена дуэль? — спросил Диего прежде, чем проклял себя за глупость.

— В определенном смысле.

— С кем?

— Этот вопрос еще не решен.

— Где? Когда?

— Это принципиально?

— Конечно! Я обязан знать, какое время для подготовки есть у меня в распоряжении. Если же я буду знать противника, я сумею избрать наилучший способ ему противостоять.

Ситуация отчетливо пахла безумием — или оскорбительным розыгрышем. Маркиз долго не отвечал, глядя, как внизу вываживают белоснежную, совсем молодую кобылицу. Лошадь заржала, выгнув точеную шею, и гранд опять кивнул в такт своим мыслям.

— Где? — Диего начал терять терпение. — Когда?

— В моем пригородном имении. На сцене. Спустя десять дней.

— На сцене?

— А где прикажете играть комедии вашего отца? В конюшне?!

— Комедии?

— «Девушка-гусар». В третьем акте у нее дуэль с Транмонтенем. Комические куплеты, ссора и дуэль. Слушайте, почему у персонажей дон Луиса такие невозможные имена? Транмонтен... Что за ерунда!

— Вопрос не решен, — в полном обалдении сказал Диего. — Вы сказали: вопрос с противником еще не решен.

— Транмонтена вызвался играть молодой д'Эрио. Надеюсь, вам ясно, что это не публичный спектакль, не потеха для черни?! Это домашняя постановка для избранного круга. Забава молодежи при попустительстве...

Он пожевал бледными губами.

— Скажем иначе: при согласии родителей. Так вот, граф д'Эрио против участия сына в «Девушке-гусаре». Если его удастся уговорить, исполнитель роли Транмонтена известен. Если нет, с моей взбалмошной дочерью будет дуэлировать кто-то другой. Впрочем, вас не должен заботить ее противник. Всю сцену дуэли, от начала до конца, я попрошу выстроить вас, и только вас. Для этого я предоставлю вам, дон Диего, максимальную полноту власти над молодежью. Надеюсь, вы понимаете, что меня в первую очередь интересует безопасность доньи Энкарны? Безопасность абсолютная, не омрачаемая никакими случайностями.

— Если я соглашусь на ваше предложение...

Диего с удовольствием отметил, что маркизу не понравилось слово «предложение». Кастельбро предпочел бы другие слова: «Если я возьмусь за эту работу...»

— ...я также приму на себя все обязательства по обеспечению безопасности доньи Энкарны. Это вне сомнений, ваше сиятельство. Никто и ничто не повредит юной донье, пока я смогу предотвращать угрозу.

По спине маэстро пробежал холодок. Такое бывает, когда кто-то пройдет по месту твоей могилы. «С чего бы? — удивился Диего Пераль. — Что я такого сказал?»

— Но я еще не дал согласия, — завершил он.

Маркиз повернулся к упряму:

— Гонорар? Он вас не разочарует.

— Я уверен в вашей щедрости, ваше сиятельство. Нет, вопрос не в гонораре. Скажите, почему молодой д'Эрио сам не поставит руку донье Энкарне? Не отрететирует сценическую дуэль? Полагаю, он безукоризненно владеет шпагой. Если же вы не доверяете ему, среди вашего окружения найдется много прекрасных и опытных фехтовальщиков. Скромность? Хорошо, пусть уроки донье Энкарне даст ее старший брат. Какие могут быть неловкости в кругу семьи? Зачем вам приглашать учителя фехтования со стороны?

Открылась дверь, ведущая в комнату, соседствующую с кабинетом. На пороге стоял дон Фернан, с улыбкой глядя на Диего. Так рассматривают забавную, но глуповатую зверушку. В отличие от отца, граф Эль-Карракес разodelся павлином. Талию камзола обозначал ряд цветных

бантов, отложной воротничок завязывался посредине золоченым шнурком с кистями. Панталоны были настолько широки, что собирались в многочисленные складки, доходя до икр, изящных как у девушки, и там прихватывались атласными лентами. Святой Господь! Даже голенища сапог графа в три слоя обшивались кружевом. Чувствовалось, что грация дон Фернана со временем превратится в худобу его отца, но этот день еще не настал.

— Действительно, — кивнул дон Фернан. — Отчего бы мне не дать уроки владения шпагой родной сестре? Что этому мешает?

— Сын мой! — воскликнул маркиз, раздражаясь. — Я же просил вас не вмешиваться!

— Умоляю простить меня, отец. Просто я считаю необходимым разъяснить ситуацию дону Диего. Разъяснить так, чтобы вопросов больше не осталось. Во-первых, мои уроки дорого стоят, — руки графа Эль-Карракес сделали жест, столь же округлый, сколь и ассиметричный.

Складывалось впечатление, что граф начал делать церемонный поклон, да раздумал на полпути.

— Очень дорого. Настолько, что семья Кагельбро вряд ли сможет оплатить мои услуги...

— Прекратите! Я требую!

— Простите, отец, но я закончу.

— Сын мой!

— Хорошо, я закончу со всем сыновним почтением. Во-вторых, давать уроки — неприлично для семьи Кагельбро. Даже если они даются, простите за каламбур, в кругу этой семьи. По той же причине мы не обратились к молодому д'Эрио или иным господам из высшего света. И наконец, вас выбрала Карни. Моей сестре показалось забавным, что её для выступления в пьесе Луиса Пераль будет готовить Диего Пераль. Вас не смущают эти два оборота, дон Диего: «неприлично для семьи Кагельбро» и «показалось забавным»?

Диего пожал плечами:

— Ни в малейшей степени.

— Это, надо полагать, отказ?

— Нет, это согласие.

— Я же говорил вам, отец! — дон Фернан непринужденно рассмеялся, поднося к лицу платок, вымоченный в духах. — Маэстро горд, как сотня чертей, но это гордыня особого свойства. Хорошенько заденьте дон Диего, подцепите его крючком за ребро, и он прыгнет в самый ад!

— Сын мой! — в третий раз вскричал маркиз.

— Я не в обиде, ваше сиятельство, — успокоил его Диего. — В конце концов, ваш сын прав. У вас есть текст «Девушки-гусара»? Я бы хотел ознакомиться с пьесой до начала занятий.

— Вы не знакомы с пьесой дон Луиса? — изумился граф.

— Мой отец написал уйму пьес. Читай я все, я бы испортил глаза.

III

— Этот человек здесь ни при чем.

— Нисколько не сомневаюсь в ваших словах, — дон Фернан улыбнулся со всей возможной приятностью. — К тому же он тяжело ранен. Усадите гематра в сторонке, и его никто не тронет, даю вам слово. Но с вас — ответная любезность, сеньор Пераль. Вы обратили внимание, что я зову вас не доном Диего, а сеньором Пералем, как вы обычно просите? Теперь ваша очередь пойти мне навстречу. Прошу вас, положите рядом с раненым свой пистолет. Я давно хотел посмотреть, так ли хорошо вы владеете клинком, как об этом болтают. Стыдно портить благородное искусство фехтования пошлой стрельбой. Вы согласны со мной, маэстро?

Диего не ответил. Он аккуратно сгрузил гематра на землю, прислонил спиной к колоде. Раненый слабо застонал. По крайней мере, жив, оценил Диего. Под пристальными взглядами наемников он с демонстративной медлительностью, двумя пальцами, вытащил из-за пояса пистолет и бросил оружие на землю рядом с гематром.

Наемники ждали.

Пожав плечами, Диего отошел от колоды на пару шагов.

— Ангард, сеньоры, — махнул платком дон Фернан. — К бою!

Нет, Диего не переоценивал себя. Вряд ли маркиз де Кастельбро нанял для расправы над ним безрукую шваль. Да и троица головорезов не производила впечатления новичков в деле великой любви к ближнему своему. Что ж, теперь все в руке Божьей.

Как, собственно, и всегда.

Вольты, репризы, кварты и терции — ушло, забылось, рухнуло в тартарары. Остались действия без слов, решения без названий, поступки без медлительного одобрения калеки-рассудка. Однажды дон Леон, мир его праху, разглядел в мрачном, неприветливом мастер-сержанте Перале что-то, что оставалось тайной для самого Диего — и на краю могилы, обучая горстку избранных, кому не мог отказать, престарелый маэстро нарушил обет не брать подмастерьев. Диего мыл зал, чистил оружие, штопал манекены, а по вечерам впитывал науку дона Леона, словно губка — воду. «Что ты делаешь?» — спрашивал маэстро. Провоцирую соперника к нападению, отвечал Диего. Вызываю на удар. «Это называется аппель,» — кивал маэстро. Аппель, повторял Диего. «Или темп, — уточнял маэстро. — А что ты делаешь сейчас?» Колю после парирования, отвечал Диего. «Это называется рипост. А сейчас?» Пытаюсь выбить у вас шпагу, объяснял Диего, потный и злой. «Как именно?» Вскользь, пыхтел Диего. Быстрым ударом по слабой части вашего клинка, гори он в аду. «Это называется круазе. И выполняется это так...» Круазе, запоминал Диего, отправляясь в дальний угол зала за улетевшей рапирой. Запястье ломило, мозги пухли. Аппель, он же темп; рипост, круазе... Полтора года спустя, когда термины разлеглись по полочкам, маэстро велел: «Теперь учишь забывать. Что ты делаешь?» Аппель, разъяснял Диего. «К чертям аппель! Забудь! Не называй, а делай! Что это?!» Рипост, откликнулся Диего. «В пекло рипост! Парируй и коли! Забыл? Молодец! Что именно ты забыл сейчас?!» Круазе, растерянно отвечал Диего, глядя, как шпага маэстро катится в знакомый угол. Я забыл круазе...

Тогда он впервые увидел слезу на щеке дона Леона.

Работу с учениками ему доверили не сразу. Сперва пришлось каленым железом выжечь солдатскую грубость — ученики в зале дона Леона были не из тех, кто спустит хотя бы намек на оскорбление. Тут пришлось потрудиться даже больше, чем с клинком в руке. Сам того не замечая, Диего вырос дважды грубияном. Грубость первую он заработал в армейском быту; вторую взлелеял от большого ума, стараясь не отличаться от остальных солдат. Это значило вытравить из себя школу, мар Яффе, умение пользоваться столовыми приборами, сморкаться в платок; а главное, вытравить из себя отца. Стоило на минуту расслабиться, как отец, великий «el Monstruo de Naturaleza», лез из сына наружу: гладкой речью, меткой цитатой, сложным словесным оборотом. Борясь с этой напастью, Диего хамил напропалую, предпочитая драться, рисковать, стоять под плетьюми — все, что угодно, лишь бы не прослыть «кружевным солдатиком». Когда дон Леон наконец понял, что можно выгнать Диего Перала из армии, но нельзя выгнать армию из Диего Перала, он изобрел метод — неожиданный и действенный, как все находки старика. Он взрастил в подмастерье два качества: суровость и лаконичность. За этой броней грубость вначале спряталась от окружающих, а там и зачахла, как деревце без солнца.

Похоронив учителя, Диего узнал важную истину: как ни вытравливай отца из сыновней души, всего не вытравишь. Вдова дона Леона, хлебнув на поминках лишку, проговорила, что именно Луис Пераль обратился к ее мужу с просьбой обратить внимание на сына драматурга. Большой поклонник таланта Перала-старшего, дон Леон согласился оказать услугу «гордости Эскалоны». У Диего хватило ума не устраивать отцу запоздалый скандал за оскорбительную протекцию. Воистину, наука покойного дона Леона пошла Пералю-младшему впрок, и не только по части защит с выпадами.

— Сеньоры, я жду. Или дон Фернан вам не указ?

Первого головореза маэстро встретил стремительным выпадом в горло. Тот едва успел парировать, замешкавшись с ответом — и дал Диего время качнуться в сторону, оставляя противника между собой и набегающим товарищем забияки. Третий гадюкой скользнул вдоль стены дома, обходя маэстро сбоку. Его шпагу Пераль принял на кинжал. Клинок скрежетнул по гарде, задержавшись на миг сверх должного.

От ответного секущего удара гадюку спас нагрудник.

Двигаться. Все время двигаться. Не давать троице атаковать слаженно. Пусть мешают друг другу. В этом — надежда. В этом — спасение. Двигаться...

Они закружились по двору в убийственном танце, под аккомпанемент лязга металла, в вихре тусклых молний. У танца был единственный, зато благодарный зритель. Дон Фернан следил за поединком едва ли не с большим увлечением, чем за пьесой Пералю-старшего на сцене Королевского театра. К досаде графа Эль-Карракес, сражение вскоре переместилось с хозяйственного двора в сад. Оливы, яблони и гранаты мешали дону Фернану сполна насладиться зрелищем. А подойти ближе, подобно любопытствующему зеваке, граф счел ниже своего достоинства.

Или просто осторожничал.

Левый рукав колета быстро пропитывался липкой кровью. Диего почти не чувствовал пореза на плече. Боль придет позже; если он, конечно, переживет этот бой. Сейчас сад был его единственным союзником. Без устали отражая и нанося удары, Пераль нырял под низко нависшие ветви олив, скрывался за стволами деревьев, возникая то справа, то слева, разя и уклоняясь. Красное винцо обагрило куртки двоих наемников; увы, раны были легкие — немногим опаснее рассеченного плеча маэстро.

Корявый ствол столетней оливы он ощутил спиной. Меняя позицию, чтобы укрыться за стволом, Диего успел выбить подпорку из-под могучей ветви, отягощенной сотнями зеленых оливок. Ветвь обрушилась на голову наседавшему противнику, скрыв убийцу под роскошной завесой: шелестящей, серебристо-зеленой. Слева оливу уже огибал второй наемник; третий, как обычно, норовил зайти сбоку, а лучше, сзади. По счастью, маэстро удалось трижды вспороть острием рапиры листовенную кисею. Услыхав хриплую брань, он понял, что все выпады достигли цели.

— Bravo! — крикнул дон Фернан.

Мертвец упал сперва на оливу, а там и на землю.

Двое лучше троих. Но эта пара, Господь прокляни обоих, приноровилась к маневрам Пералю. Теперь оба атаковали с пониманием, не перекрывая друг друга. Кружа и отступая, Диего устал; рука, сжимавшая тяжелую рапиру, налилась свинцом. Вскоре наемники вытеснили его из-под спасительных деревьев обратно во двор. Долго не продержусь, оценил Пераль. Единственное спасение он видел в приоткрытой двери конюшни.

«Проем узкий, вдвоем не протиснуться...»

Огибая колоду для рубки дров, он оступись. Подошва сапога поехала на конском яблоке; стараясь не рухнуть на бесчувственного гематра, маэстро потерял равновесие — и один из головорезов, на шаг опередив своего менее расторопного товарища, воспользовался подарком судьбы. Парировать выпад в полной мере Диего не сумел. Кинжал лишь сбил чужой клинок на пядь ниже, и шпага вместо того, чтобы пропороть живот, рассекла ляжку маэстро. Падая на колено, Диего все силы вложил в ответный удар. Рапира с глухим хряском пробила нагрудник, на четверть выйдя между лопаток наемника.

— Bravo! — прозвучало снова. — Брависсимо!

Убийца — вернее, убитый — судорожно икнул. Из рта его вылетел сгусток темной крови; казалось, он харкнул Диего в лицо, желая оскорбить напоследок. Медленно, будто во сне, головорез начал заваливаться вперед, прямо на маэстро, который как ни старался, не мог выдернуть застрявшую в теле рапиру. Умиравший все глубже насаживался на клинок. Фигура его раздвоилась — так бывает в бреду — и перед Пералем возник последний из троицы. По тому, как он держал шпагу, Диего уже знал, куда войдет хищное острие: в горло.

Ни защититься, ни уклониться.

У судьбы сложное чувство юмора, подумал Диего. Ударом в горло бой начался, им же и закончится. Интересно, услышу ли я третье «bravo!» дона Фернана?

Наемник качнулся, переноса вес с ноги на ногу — и по двору оглушительно раскатился выстрел. Впору было поверить, что в пятку башмака вшили пороховой заряд, в носок — фитиль, и вот фитиль догорел. Меж ребер головореза возникла дыра, плеснув красным. Выпустив рукоять рапиры, Пераль упал на спину и торопливо откатился прочь. Мигом позже шпага сраженного

пулей наемника глубоко вонзилась в землю в том месте, где только что находился маэстро, а сам наемник рухнул рядом, содрогаясь в агонии.

Раненый гематр сидел, привалясь спиной к колоде. Морщась, он мял пальцами левой руки правое плечо. В правой руке гематр сжимал дымящийся пистолет Диего, пуля из которого спасла маэстро жизнь. Пороха Диего не пожалел, засыпав в длинный ствол своего «Релампаго» полуторный заряд.

— Отличный выстрел, — поздравил гематра Диего.

— Отдача, — пожаловался инопланетянин. — Очень сильная.

Поднявшись на ноги, Диего выдернул рапиру из тела убитого. Не сговариваясь, они с гематром повернулись, ища взглядами дона Фернана. Откуда бы ни наблюдал граф за схваткой, сейчас во дворе не было ни души. Диего пожал плечами; гематр, как обычно, остался бесстрастен.

— Вы меня не донесете, — сказал он.

— Не донесу, — согласился маэстро.

— Нужно вызвать помощь. Может, у кого-то из этих бандитов найдется коммуникатор?

Мой забрали грабители.

— У меня есть коммуникатор.

Гематр уставился на маэстро снизу вверх. Взгляд его ничего не выражал. Наверное, это означало удивление.

— Дайте.

Диего протянул ему серебристую коробочку. Пальцы гематра легко и уверенно забегали по вирт-сенсорам — с той же легкостью минуту назад во дворе и в саду порхали смертоносные клинки.

— Перетяните бедро, — велел раненый.

— Что?

— У вас кровь идет.

Гематр указал на свою искромсанную кинжалом штанину: режьте еще, не жалко. Диего внял дельному совету. Заодно маэстро перевязал плечо, затянув узел рукой и зубами. Потом он сел на колоду и стал глядеть в небо, где таяли едва различимые белые облака, похожие на клубки далеких разрывов.

Пришел отклик по уникаму. Активировав сферу видеосвязи, гематр быстро заговорил на языке, которого Диего не знал.

— Через семь минут здесь будет медицинский аэромоб, — свернув сферу, он протянул коммуникатор Диего.

— Они нас отыщут?

— Отыщут.

— Как?

— Я включил на вашем уникаме систему автопеленга.

Маэстро понятия не имел, что в подарке Энкарны имеется такая система.

— Когда они придут, покажете, как ее отключить?

— Разумеется. Вы опасаетесь слежки?

Диего сделал неопределенный жест рукой.

— У вас проблемы, — констатировал гематр. Он выглядел бодрее, чем раньше. Наверное, бой пошел инопланетнику на пользу. — Я могу чем-то помочь?

— Вряд ли.

— Вы куда-то направлялись. Когда меня доставят в больницу, аэромоб может отвезти вас в это место.

— Мне нужно в космопорт.

— Вам окажут первую помощь и доставят туда. Моя раса знает, что такое благодарность.

Вы хотите покинуть планету?

— Хочу, — вздохнул Диего. — Но вряд ли получится.

— У вас нет денег?

— У меня нет открытой секторальной визы. Но я все-таки попытаюсь.

На сей раз гематр молчал долго.

— Меня зовут Гиль Фриш, — вдруг сказал он, когда Диего уже решил, что инопланетник заснул или потерял сознание. — Позвольте ваш коммуникатор.

— Диего Пераль. Вы хотите еще раз позвонить?

— Нет. Я внесу свой номер в ваш уникон.

— Но ведь ваш коммуникатор забрали грабители?

— Ерунда. Полиция его дистанционно заблокирует, а я переоформлю номер на новое устройство. Вот, держите. Если вам не удастся улететь, свяжитесь со мной.

— Когда?

— Через два дня. К этому времени меня поставят на ноги. Ничего не обещаю, но попробую помочь. Я у вас в долгу: вы спасли мне жизнь.

— Вы мне тоже, мар Фриш.

— Вам известно, как мы обращаемся друг к другу?

— Меня в школе учил гематр.

Кажется, Фриш хотел спросить еще что-то, но уникон в руке Пералья разразился трелью вызова.

— Мигель! — выдохнул Диего, увидев высветившийся номер. — Мигель! Это ты?! Шорох, похожий на стон. Или стон, похожий на шорох.

— Мигель! Отзовись! Где ты?

Пераль еще кричал в немое устройство, когда над двором завис серебристый аэромоб с красным знаком медслужбы на борту.

— Мигель!..

IV КОЛЕСНИЦЫ СУДЬБЫ (не так давно)

Зал ему определенно не нравился.

Просторная комната, которая раньше служила для светских приемов, а сейчас была наскоро переоборудована под зал для фехтования, почти в точности напоминала собственный зал Диего. Не ткаными шпалерами на стенах, не потолком с лепниной по краям — о, маэстро мог позволить себе такую роскошь разве что в мечтах. Но размещение стоек с оружием, сам подбор клинков, манекены, развешанные кругом пособия: выпады, защиты, вольты... Большинство изображений Диего знал наизусть. Их оригиналы достались ему в наследство от сеньора Дильгоа, после того как апоплексический удар свел учителя в могилу. По счастью, сеньор Дильгоа успел подписать диплом молодому подмастерью — и позаботился о том, чтобы коллеги приняли дона Диего в свой круг, как полагается. Диего подозревал, что любезным приемом коллег он частично обязан имени собственного отца, но Луис Пераль, старый хитрец, лишь отшучивался, когда сын напрямик спрашивал его об этом.

— Знать бы, кто, — вслух сказал Диего.

Изменник, продолжил он про себя. В интерьере зала крылся душок предательства. Кто-то из учеников маэстро, не раз посещавший зал на улице Масарредо, в подробностях описал интерьер помещения маркизу де Кастельбро — или, что вернее, одному из доверенных слуг маркиза. Описал для того, чтобы здесь, на втором этаже особняка, возникло подобие, двойник, копия раковины, из которой маэстро выбрался совсем недавно. За деньги сделал это изменник, или просто желая оказать услугу его сиятельству — в его поступке не было ничего противозаконного или аморального. Но Диего не мог избавиться от ощущения, что его предали, продали с потрохами.

Он дрался с раздражением на дуэли, и противник одолевал.

За окном послышался цокот копыт. Встав у подоконника, наборного панно из редких сортов дерева, Диего увидел, как по каштановой аллее ко входу в особняк едет донья Энкарна. Под дочерью маркиза шла белая кобылица, памятная маэстро по его первому визиту в дом Кастельбро. Сидя боком, в дамском седле, донья Энкарна о чем-то весело болтала с молодой камеристкой — та трусила рядом на длинногривом пони. Юная донья подняла голову, взгляд ее скользнул по лицу Диего — и маэстро быстро отступил назад. Он не знал, заметила ли его новая ученица, но ему без видимой причины это было неприятно. Такое впечатление, подумал он, что я пропустил случайный выпад, и теперь надо наверстывать. Ты дурак, приятель, ты загнал себя в угол, а теперь громоздишь ерунду на чепуху. Расслабься, тебе выпала забавная и непыльная работенка. Главное — безопасность причудницы. Она сразу должна понять, кто здесь хозяин. Пройдет неделя, другая, и ты не вспомнишь ни этот зал, ни девчонку, возомнившую себя гусаром, верней, звездой сцены...

— Вы позволите, дон Диего?

Наверное, она поднималась по лестнице бегом. Ничем иным нельзя было объяснить столь быстрое появление доньи Энкарны в зале. Раскрасневшаяся, запыхавшаяся, она смотрела на Диего глазами, блестящими от возбуждения.

Из-за плеча дочери маркиза выглядывала камеристка.

— Прошу вас, — Диего вежливо поклонился.

— Благодарю вас, дон Диего.

— Впредь называйте меня маэстро.

— Так полагается?

— Да.

— Только здесь? Или при любой встрече?

— Только здесь.

— Хорошо, маэстро.

Черт возьми, подумал он. Этот бесенок — само послушание.

— Приступим? — спросила она.

Черт возьми, повторил он. Это была моя реплика. Она сняла ее у меня буквально с языка. Тушэ, хитрая девчонка. Второй удар за тобой. Теперь моя очередь.

— Как вам будет угодно, — он еще раз поклонился.

Его миролюбие — верней, ответ, достойный слуги или поклонника, но никак не сурового маэстро — достигло цели. Во взгляде доньи Энкарны мелькнуло сомнение; впрочем, оно быстро сменилось прежним блеском.

— Одну минутку, маэстро. Я сейчас буду готова.

Она нырнула за ширмы, которыми был отгорожен дальний угол зала. Камеристка, подобрав юбки, последовала за хозяйкой. Прежде чем скрыться, камеристка обернулась и подмигнула Диего — так, словно сговорилась с маэстро заранее, и сейчас их заговор близился к успешному завершению.

За ширмами возник шорох одежды. Плохо понимая, что происходит, Диего уставился на ширмы — укрепленные на рамах атласные полотнища, расписанные в восточном стиле: черти с высунутыми языками, голые по пояс, с увлечением били в барабаны. В просвете между ширмами мелькнуло голое плечо, и маэстро отвернулся быстрее, чем следовало бы отставному мастер-сержанту, имевшему обширные знакомства среди обозных шлюх.

Он встал к ширмам спиной.

— Все, маэстро. Я готова.

Перед ним стоял молоденький гусарский корнет. Лосины из белоснежной замши плотно облегли стройные ноги. Диего не сомневался, что лосины натянули еще влажными, и сейчас они высохали прямо у него на глазах, превращаясь во вторую кожу. Красный доломан — короткий, до пояса — был украшен пятнадцатью рядами шнуровых петель с золочеными пуговицами. На левое плечо гусар накинул ментик, обшитый понизу и по краям бортов черным бобром. Голову корнета венчал фетровый кивер с султаном из заячьего меха.

Лишь сейчас Диего сообразил, что разглядывает донью Энкарну, как последний мерзавец — снизу доверху. Он видел женщин в разных нарядах, видел без нарядов — и даже без ночных сорочек — но женщину в мужском костюме он видел впервые. Зрелище потрясло Диего больше, чем он мог предположить. Похоже, это стало ясней ясного не только для маэстро — камеристка отчетливо хихикнула. Смешок нахалки вернул Диего самообладание. Ничто так не отрезвляет актера и бойца, говаривал Луис Пераль, как чужая насмешка. А если отрезвления не произошло, значит, братец, ты вряд ли боец и уж точно не актер.

Диего мысленно поблагодарил отца за науку.

— Лосины, — сказал он. — Ни в коем случае.

— Вам не нравится? — донья Энкарна сделала круглые глаза. — В этом костюме я буду играть «Деву-гусара».

— Не будете, — возразил Диего.

— Отчего же, маэстро?

— Вы раньше примеряли гусарскую форму?

— Нет. Это важно?

— Во время занятия лосины высохнут. Позже вам придется их снимать. Вы когда-нибудь снимали подсохшие гусарские лосины? Извините за смелые подробности, но от них остаются жуткие потертости. После парадов кое-кто из моих знакомых кавалеристов по три дня сидел дома, не в силах дойти до туалета.

— Господи! — испугалась донья Энкарна. — Какой ужас!

Она сделала произвольное движение, как если бы хотела сбросить лосины прямо сейчас — и замерла, не зная, как поступить.

— Надеюсь, что мы обойдемся без ужасов. Тем более, без пикантных ужасов. У нас не парад, вам не придется сидеть в седле. Первое занятие я сделаю кратким. На втором занятии, если вам так уж хочется опробовать сценический костюм, я жду вас в чакчирах.

— Что это?

— Штаны. Прямой крой, внизу штрипки.

— Какая пошлость! Меня освистают!

— Зато чакчиры удобны и безопасны для вашей чувствительной кожи. Спросите знакомых офицеров, они подскажут, чем украсить чакчиры. И хватит об этом. Я — не ваша модистка, у меня другие задачи.

— Я спрошу у дона Васко, — девушка в раздумьях закусил нижнюю губку. — Вы знакомы с доном Васко? Это мой жених. Он — капитан артиллерии, но, думаю, он знает толк и в приличных гусарских штанах. Начнем, маэстро?

Со всех ног она кинулась к ближайшей стойке с оружием — и, выхватив саблю, отсалютовала Диего.

— Поставьте на место, — велел Диего.

— Почему? Это же гусарская сабля!

— Вы будете использовать шпагу. Легкую граненую шпагу.

— Невозможно! Гусары дуэлируют на саблях.

— Гусары — да.

— Так написано в пьесе вашего отца!

— Мой отец скверно разбирается в фехтовании. Он знает, что гусары дуэлируют на саблях. Но гусары — мужчины, им хватает силы для таких поединков. Для вас сабля тяжеловата.

— Откуда вы знаете? — обиделась донья Энкарна. — Я сильная!

— Я видел, как вы салютуете. Поставьте саблю, я сам подберу вам клинок.

С видимым огорчением дочь маркиза приняла из рук маэстро шпагу — короткую, шестигранную, с ажурной гардой, похожей на ювелирное украшение. Судя по лицу доньи Энкарны, такая шпага унижала ее достоинство.

— Встаньте в меру, — велел Диего, обнажая рапиру.

— Куда?

— Встаньте на таком расстоянии от меня, чтобы концом своего клинка достать мой клинок. Это и будет значить «встать в меру». Я жду!

Со вздохом она подчинилась.

Это будет труднее, чем я полагал, сказал себе Диего Пераль.

— Мой брат, — заметила донья Энкарна. Клинок в ее руке едва заметно покачивался, звякая о рапиру Диего. — Он предупредил меня, что вы невыносимы. В его устах, маэстро, это комплимент.

— Если так, — Диего легонько ударил рапирой о шпагу ученицы, желая проверить крепость запястья доньи Энкарны. Результат его удовлетворил, — почему он сам не взялся учить вас? Уверен, дон Фернан стократ обходительней такого грубияна, как я. Манеры графа — предмет всеобщей зависти.

Девушка пожала плечами:

— Он не хочет. Его уроки слишком дорого стоят.

V

— Мар Фриш сказал, что вы торопитесь. Это так?

— Да.

— Когда вам нужно быть в космопорте?

Диего достал серебряный хронометр, щелкнул крышкой. Врач-гематр ждал. Он походил на дьявола, вырядившегося ангелом. Сияющий девственной белизной халат. Бледное лицо, горбатый нос, жесткие смоляные кудри; блеск глаз-льдинок из-под кустистых бровей. Не хватало только рогов и маскировочного нимба.

В Сан-Федрате, подумал Диего, мне нужно быть не позднее половины четвертого. Мигель перезвонит! Что-то со связью, будь она неладна... Ибарра говорил: «Успеем». Челнок должен сесть недалеко от космопорта.

На всякий случай он набросил еще десять минут.

— В двадцать минут четвертого.

— Аэромоб доставит вас за десять минут. У нас есть время на экспресс-терапию.

Раздевайтесь.

Зная пунктуальность гематров, Пераль не стал корчить из себя героя. Раз врач сказал: время есть — значит, есть. Отказаться от бесплатной медицинской помощи высшего уровня — это надо быть круглым идиотом!

Взглядом он поискал, куда положить пыльный, измазанный кровью колет. Кругом все сияло стерильной чистотой; одежда и ее хозяин, грязней грязного, смотрелись здесь чужеродными элементами. Врач толкнул к Диего миниатюрную антиграв-платформу, и та, подплыв к маэстро, зависла в воздухе. От брошенного поверх нее колета платформа даже не шелохнулась.

С натальной рубахой довелось повозиться. В месте пореза края ткани присохли к ране — отдирая их, Пераль скрипел зубами. Врач не вмешивался, наблюдал молча. Помочь снять сапоги он и не подумал. Когда дело дошло до штанов, понадобилось сначала развязать жгут, наложенный выше раны. По бедру заструилась кровь, капая на светло-кремовый пластик пола.

— Ложитесь.

Кушетка зашевелилась, принимая форму тела пациента. Помещение заполнил неяркий рассеянный свет. Теней он не давал, позволяя врачу рассмотреть раны во всех подробностях.

— Другой одежды у вас нет?

— Нет.

— Вы получите свою одежду чистой и целой.

— Спасибо.

Повинуясь команде врача, платформа выплыла из палаты. Еле слышно загудели приводы блестящих суставчатых манипуляторов, похожих на лапы металлического паука. По телу Диего заскользили влажные губки, пропитанные дезинфицирующим раствором. В руках гематра возник инъектор.

— Солдатский коктейль?

Ему уже кололи такой. Восемь лет назад, после взятия Дровяного бастиона, о чем Мигель вспоминал по поводу и без. Инопланетное средство ценилось на вес золота, но в бою Диего

отличился. Палаш сартахенца лишь на волос не достал до печени, а тут как раз подоспела гуманитарная помощь Лиги... В общем, на «коктейль для героя» расщедрились.

— Модифицированный. Коагулянт, антисептик, анестезин, стимуляторы. Лежите спокойно. Препарат начнет действовать через пять минут.

Комариный укус инъектора. По порции регенерирующего биоклея в обе раны. Диего устало прикрыл веки. Хотелось спать. Спать было нельзя.

— Можете вставать. Аэромоб ждет.

— Моя одежда?

— Она готова.

КОНТРАПУНКТ ИЗ ПЬЕСЫ ЛУИСА ПЕРАЛЯ «КОЛЕСНИЦЫ СУДЬБЫ»

Живоглот:

А если вы доплатите, сеньор,
То я клянусь, что эту вот дубинку
Ему засуну аж по серединку —
И знаете, куда?

Мордокрут:

Ты плут и вор!
Молчи уж лучше! Мне, сеньор, подбросьте
Хоть полэскудо! О, Господни кости!
Да я клянусь, что мой свирепый кол
В него войдет настолько глубоко,
Что он, мерзавец...

Ухорез:

Оба дураки!
Доплачивать сеньору не с руки!
Но если, вы мой бравый господин,
Поставите кувшинчик мне один,
А лучше, два — я вашего поэта
Своею палкою сживу со света.
Да чтоб мне перед Богом отвечать!
Да чтобы я сгорел...

Маркиз:

Всем замолчать!
У вас сверх меры чешутся колы?
Друг дружке почешите их, орлы!
Я вам плачу, чтоб били не спеша,
И больше не накину ни гроша!